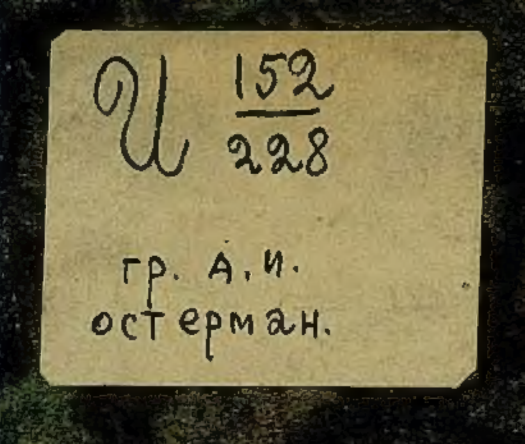

Графъ Андрей Ивановичъ

ОСТЕРМАНЪ.

«Jl y a en moi quelque chose d'inexplicable,
«qui porte malheur aux gouvernements qui
«me négligent.»

Paroles du Prince de Talleyrand á Louis XVIII.

30 мая 1686 года, въ прекрасное весеннее утро, происходила большая суматоха въ домѣ пастора Бокумскаго (что въ Вестфаліи, въ графствѣ Маркскомъ). Пасторша, послѣ трудныхъ и болѣзненныхъ родовъ, разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Младенца окрестили по обряду Аугсбургскаго вѣроисповѣданія и нарекли *Генрихомъ — Іоанномъ — Фридрихомъ*.

Пасторъ Бокумскій, Іоаннъ — Конрадъ *Остерманъ*, былъ всѣми уважаемъ за благородство своего характера, за свою благотворительность, и за ревностное исполненіе всѣхъ обязанностей своего сана. Супруга его слыла женщиною ума необыкновеннаго и возвышенной добродѣтели. Молодой Остерманъ провелъ первую свою молодость въ домѣ родительскомъ. Съ раннихъ лѣтъ замѣчали въ немъ нравъ холодный и по видимому безстрастный; умъ острый, дальновидный и тонкій. Полу-

чивъ прекрасное образованіе, онъ, на девятнадцатомъ году отъ роду, отправился путешествовать, и началъ съ Голландіи. Это было въ 1704 году. Въ Амстердамѣ имѣлъ онъ случай сойтись съ извѣстнымъ Корнеліемъ Крюйсомъ, Голландскимъ мореходцемъ, котораго Петръ Великій, въ первую бытность свою въ Голландіи, въ 1697 и 1698 годахъ, убѣдилъ вступить въ Русскую службу. Крюйсъ, прослужа нѣсколько лѣтъ со славою для себя и съ пользою для Россіи, отправленъ былъ Петромъ, съ чиномъ вице-адмирала, въ чужіе краи, для привлеченія въ Россійскую службу иностранцевъ умныхъ и образованныхъ. Крюйсъ предложилъ молодому Остерману поступить къ нему секретаремъ. Для сына бѣднаго пастора, должность секретаря при сановникѣ, занимавшемъ важное мѣсто при Россійскомъ Дворѣ, было счастливою находкою. Остерманъ радостно согласился, написалъ къ отцу, получилъ его благословеніе и отправился съ Крюйсомъ въ Россію.

Зрѣлище Россіи въ тогдашнее время было крайне любопытнымъ и назидательнымъ для юноши, одареннаго умомъ столь обширнымъ, какъ Остерманъ. Стихія новизны и преобразованій только что приступала еще къ своей борьбѣ со стихіями предразсудковъ закоренѣлыхъ. Но съ Нѣмецкими именами являлись еще Старо-Московскіе обычаи; подъ мундирами нѣмецкаго покроя бились сердцà, еще преисполненныя ненависти ко всему чужеземному. Старики, имѣвшіе столь значительный вѣсъ въ тогдашнемъ обществѣ, ненавидѣли иностранцевъ, какъ поборниковъ новизны и преобразованій; молодые видѣли въ чужеземцахъ соперниковъ, скорѣе

Русскихъ достигавшихъ поприща почестей и власти, и, не входя въ расчетъ, что Нѣмцы брали предъ Русскими перевѣсъ своимъ образованіемъ, видѣли въ нихъ лишь неразборчивыхъ искателей счастія. Знаменитыя слова князя Дмитрія Михайловича Голицына — одного изъ первыхъ государственныхъ мужей того времени, но страстнаго врага новизны, — могутъ служить отголоскомъ тогдашняго образа мыслей. «Какая намъ нужда въ обычаяхъ заморскихъ? говорилъ князь Голицынъ. Отцы и дѣды наши жили и безъ нихъ, а мы «развѣ глупѣе своихъ дѣдовъ?» Трудно было въ то время иностранцу (въ особенности молодому, не опытному), ужиться въ Россіи. Остерманъ счастливо умѣлъ избѣгнуть подводныхъ камней, объ которые разбилось столько будущностей. Первымъ, главнымъ стараніемъ его было изученіе языка Русскаго, и не прошло двухъ лѣтъ, какъ онъ уже былъ въ состояніи, не только свободно изъясняться, но даже и хорошо писать по Русски. Въ Россіи нашелъ онъ своего старшаго роднаго брата Іоанна-Христофора-Дитриха Остермана, бывшаго наставникомъ при дочеряхъ Царицы Прасковьи Ѳеодоровны Салтыковой, вдовы Царя Іоанна V Алексѣевича *). (Въ послѣдствіи, когда старшая изъ питомицъ его вышла за герцога Леопольда Мекленбургска-

*) Тѣ Царевны были: Екатерина Іоанновна, въ послѣдствіи супруга Герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, и бабка Императора Іоанна Антоновича; Анна Іоанновна, въ послѣдствіи супруга герцога Курляндскаго и потомъ Императрица Всероссійская; Прасковья Іоанновна, въ послѣдствіи супруга сенатора, генералъ-аншефа Ивана Ильича Дмитріева—Мамонова.

го, Леопольдъ пожаловалъ Христофора Остермана барономъ, тайнымъ совѣтникомъ и своимъ посланникомъ при С. Петербургскомъ Дворѣ.) Немедленно по прибытіи въ Москву Генриха Остермана, онъ былъ представленъ, братомъ своимъ, Царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ. Царица, послѣ ласковыхъ распросовъ о его путешествіи, занятіяхъ, спросила: «А какъ, батюшка, имя ваше?»— «*Генрихъ,* Ваше Величество» отвѣчалъ молодой человѣкъ. «Отца вашего зовутъ *Иваномъ,* возразила Царица, «такъ вамъ слѣдуетъ называться *Андреемъ Ивановичемъ*!» И съ тѣхъ поръ Остермана называли *Андреемъ Ивановичемъ.*

Въ 1707 году, Петръ Великій, случайно находясь на кораблѣ Крюйса, спросилъ у него: нѣтъ-ли при немъ исправнаго чиновника, который былъ бы въ состояніи написать важное письмо. Крюйсъ представилъ Царю молодаго Остермана, и письмо, написанное юношею, столь понравилось Петру Великому, что онъ вступилъ съ Остерманомъ въ разговоръ, и пробесѣдовавъ четверть часа, объявилъ Крюйсу, что беретъ къ себѣ секретаря его, письмоводителемъ. Остерману былъ тогда двадцать-одинъ годъ отъ рожденія.

Послѣ полу-годоваго занятія Остермана въ собственной канцеляріи Царской, послѣдовалъ, 16 февраля 1708 года, указъ объ опредѣленіи его въ посольскую канцелярію переводчикомъ, съ жалованьемъ по двѣсти рублей (тысячу нынѣшнихъ) въ годъ, жалованьемъ значительнымъ по тогдашнему времени. Остерманъ владѣлъ свободно шестью языками: Нѣмецкимъ, Россійскимъ, Голландскимъ, Латинскимъ, Французскимъ и Италіян-

скимъ. Царь съ жаромъ рекомендовалъ его умному и дѣятельному начальнику посольской канцеляріи, Шафирову, и самому президенту посольскихъ дѣлъ (т. е. министру иностранныхъ дѣлъ), хитрому и уклончивому графу Головкину. Судьба судила Ос ерману, со временемъ, низвергнуть и замѣнить Шафирова, а графа Головкина затмить и лишить всякаго вліянія.

Но въ то время будущій вице-канцлеръ находился еще въ униженномъ состояніи предъ Головкинымъ и Шафировымъ и старательно добивался ихъ милостиваго расположенія. Онъ достигъ желаемаго. Необыкновенными дарованіями обратилъ онъ на себя вниманіе начальниковъ и зависть сослуживцевъ. Ни одной важной бумаги не исходило изъ канцеляріи посольскаго приказа безъ участія или вѣдома Остермана, который, менѣе чѣмъ въ годъ, успѣлъ сдѣлаться правою рукою и неизбѣжнымъ сотрудникомъ Шафирова. Въ 1711 году, Остерманъ пожалованъ былъ (12 іюля) тайнымъ секретаремъ и вмѣстѣ съ Шафировымъ сопровождалъ Петра въ Прутскій походъ, а въ 1713 году, когда дѣло шло о убѣжденіи Берлинскаго двора дѣятельно дѣйствовать противъ Швеціи, онъ отправленъ былъ въ Берлинъ въ февралѣ мѣсяцѣ, для переговоровъ и убѣжденій по сему предмету. Петръ находился въ то время въ Германіи и въ Ганноверѣ, и повелѣлъ графу Головкину заключить съ Остерманомъ договоръ, въ силу коего Остерманъ обязывался, на извѣстныхъ условіяхъ, служить Россіи до окончанія войны со Шведами. Вотъ содержаніе любопытнаго договора, заключеннаго властелиномъ Россіи съ двадцати-шестилѣтнимъ дипломатомъ.

«Понеже секретарь Остерманъ обязался до оконча-«нія нынѣшней Шведской войны въ Его Царскаго Ве-«личества службѣ пробыть, того ради я ему симъ, име-«немъ Его Царскаго Величества обѣщаю:

«1) Что ежели, по окончаніи помянутой войны, онъ «въ состояніи не будетъ службу свою продолжать, тог-«да онаго или гдѣ индѣ въ службѣ Его Царскаго Вели-«чества употребить, или вовсе уволить и съ милости-«вѣйшимъ абшитомъ отпустить.

«2) Такожде, въ бытность его въ службѣ Его Цар-«скаго Величества, вездѣ свободную и пристойную квар-«теру, или на то деньги дать, чтобъ оную самъ сыскать «себѣ могъ.

«3) И понеже онъ, что до его жалованья надле-«житъ, какъ прежде сего, такъ и нынѣ себя единой «Его Царскаго Величества милости предаетъ; того ра-«ди я ему обѣщаю, что онъ, въ бытность его въ Россіи, «всегда такимъ жалованьемъ снабденъ будетъ, кото-«рымъ онъ честно пропитаться можетъ.

«4) И обнадеживаю я его впрочемъ о Его Царскаго «Величества милости и защищеніи во всякомъ случаѣ. «Въ Ганноверѣ, февраля 20 дня 1713 года. Графъ Га-«врило Головкинъ.»

16 Января 1716 года Остерманъ пожалованъ совѣт-никомъ канцеляріи *за отличные труды и вѣрность*, какъ сказано въ указѣ.

Въ то время произошло значительное измѣненіе въ политикѣ Петровой. Петръ желалъ пріобрѣсти часть бе-реговъ Балтійскаго моря, и достигъ желаемаго. Отъ Риги

до Фридрихсгама развѣвались Русскія знамена. Дальнѣйшія пріобрѣтенія въ Финляндіи, сколь бы полезны они ни были, не могли войти въ сравненіе съ цѣною проливаемой крови, для государства столь истощеннаго людьми и деньгами, какъ Россія въ то время, послѣ долголѣтней борьбы воинской и затруднительнаго построенія Петербурга. Россія, долго потрясаемая войнами внѣшними и неустройствами внутренними, алкала мира и спокойствія; Петръ желалъ пламенно и того и другаго, въ надеждѣ воспользоваться миромъ для развитія Русской промышленности, для окончательнаго развитія и утвержденія всѣхъ своихъ предпріятій, и для распространенія Русскаго вліянія на Востокѣ, давнемъ и постоянномъ предметѣ помысловъ его дальновиднаго генія. Съ другой стороны, новый министръ Шведскій, умный и предпріимчивый баронъ Гёрцъ, быстро овладѣвшій полною довѣренностію Карла XII, видя невозможность возвращенія отъ Россіи областей, въ послѣдніе годы отторженныхъ ею отъ Швеціи, рѣшился замѣнить эти недавнія потери новыми пріобрѣтеніями. Послѣ первыхъ, предварительныхъ и тайныхъ сношеній, положенъ былъ съѣздъ министровъ на островѣ Аландѣ, съ открытіемъ судоходства, весною 1718 г. Съ Русской стороны назначены были, генералъ-фельдцейхмейстеръ и бергъ-коллегіи президентъ Брюсъ и канцеляріи совѣтникъ Остерманъ; съ Шведской баронъ Герцъ и графъ Гилліенборгъ: замѣчательный съѣздъ мужей даровитыхъ и дальновидныхъ! Русскимъ уполномоченнымъ велѣно было требовать уступки Эстляндіи, Ингерманландіи и Кареліи; Герцъ хотѣлъ уступить

лишь Ингерманландію и Карелію, оставляя Эстляндію за Швеціею, и сверхъ того предлагалъ заключить наступательный союзъ съ Испанскимъ дворомъ, руководимымъ въ то время знаменитымъ Кардиналомъ Альберони, и съ Шотландскими партизанами дома Стюартовъ (сія послѣдняя часть Герцова проэкта находила особенный отголосокъ въ душѣ перваго Русскаго уполномоченнаго, генерала Брюса, потомка древнихъ Королей Шотландскихъ, и родитель коего, Вилліамъ Брюсъ, покинулъ отечество свое, при Кромвелѣ, изъ приверженности къ изгнанному тогда въ первый разъ дому Стюартовъ). Цѣлію этого наступательнаго союза были: низверженіе съ Великобританскаго престола дома Ганноверскаго, и замѣненіе его домомъ Стюартовъ; потомъ низверженіе лучшаго союзника дома Ганноверскаго, регента Франціи, герцога Филиппа Орлеанскаго, и наконецъ присоединеніе къ Швеціи, въ награду за уступаемыя сю Россіи области, королевства Норвежскаго и графствъ Ольденбургскаго и Делменгорстскаго, которыя Герцъ предполагалъ завоевать у Даніи. На первомъ засѣданіи уполномоченныхъ, 12 маія, возникъ споръ; Брюсъ и Остерманъ не только исполняли полученныя ими инструкціи, но еще, по предварительномъ соглашеніи между собою, требовали отъ Герца уступки всей Лифляндіи и города Выборга, услуга, никогда въ послѣдствіи не забытая Петромъ Великимъ, и много содѣйствовавшая къ возведенію Остермана на верхъ почестей. Второе засѣданіе (15 маія) и слѣдующія, остались равно безуспѣшными. Остерманъ не отчаявался. Тонкій знатокъ сердца человѣческаго, проницательный

умомъ и вкрадчивый обращеніемъ, онъ искалъ довѣренности Гёрцовой, и столь искусно умѣлъ поддѣлаться къ нраву и склонностямъ Шведскаго министра (одного изъ самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ мужей своего времени), что менѣе чѣмъ въ шесть недѣль находился съ нимъ въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ и пользовался его дружбою! Вліяніе Остермана было столь значительно, что 2 іюля Гёрцъ отправился въ Стокгольмъ, къ Королю, убѣждать его согласиться на требованія Россійскихъ уполномоченныхъ, и, по прошествіи *недѣли,* возвратился съ согласіемъ Карла XII (который, какъ извѣстно, вообще не славился своею уступчивостію). Съ іюля по октябрь, переговоры длились въ отношеніи къ второстепеннымъ предметамъ, какъ-то: количеству хлѣба, назначаемаго къ ежегодному вывозу, изъ Лифляндіи въ Швецію, и числу денегъ, опредѣляемыхъ на безпошлинный вывозъ этого хлѣба. Въ исходѣ октября обѣ стороны сошлись во всемъ и миръ являлся неминуемымъ, но судьба судила иначе.... $\frac{13}{7}$ ноября, въ мрачный и хладный зимній вечеръ, Карлъ XII, осаждавшій Фридрихсгамъ въ Норвегіи, палъ въ траншеѣ отъ пистолетной пули, направленной неизвѣстною рукою. Сестра его Ульрика—Элеонора, княгиня Гессенъ-Кассельская, вступила на престолъ Шведскій подъ руководствомъ сената, предписавшаго ей условія, которыя ограничивали власть Королевскую; Гёрцъ, ненавидимый сенатомъ, былъ арестованъ, преданъ шемякинскому суду, и казненъ. На мѣсто его присланъ былъ на Аландъ графъ Лиліенстедтъ, начавшій требовать возвращенія всѣхъ областей, у Швеціи завоеванныхъ: вся-

кая надежда на миръ исчезла; самые переговоры были прерваны.....

Многіе удивляются горькимъ слезамъ, проліяннымъ Петромъ Великимъ при полученіи извѣстія о внезапной гибели Карла XII, и замѣчательному восклицанію: *жаль мнѣ тебя, братъ Карлъ*! Кончина Карла XII лишала Петра всякой надежды на немедленный миръ, и возвѣщала ему продолженіе борьбы кровавой и утомительной....

Война вскипѣла снова: мужественный князь Михайло Михайловичъ Голицынъ разилъ Шведовъ и на сушѣ и на морѣ, и покорилъ всю Финляндію скипетру Россійскому. Два года съ половиною протекли и весною 1721 года новый конгрессъ назначенъ въ Ништадтѣ. Россійскими уполномоченными назначены были, по прежнему, Брюсъ и Остерманъ, который въ прошломъ 1720 году посыланъ былъ въ Стокгольмъ, но безуспѣшно, ибо успѣхъ былъ еще въ то время невозможнымъ, по причинѣ неимовѣрнаго ожесточенія Шведовъ противъ Россіи. Шведскими уполномоченными были графъ Лиліенстедтъ и баронъ Стре́мфельдъ. Петръ, при отправленіи своихъ уполномоченныхъ въ Ништадтъ, столь былъ увѣренъ въ неминуемомъ заключеніи мира, что возвелъ Брюса въ графское достоинство, а сенату послалъ запечатанный указъ, съ повелѣніемъ распечатать при заключеніи мира. Вотъ содержаніе указа:

«Объявляемъ симъ, что Мы Андрея Остермана, за «вѣрную его къ Намъ службу, Нашимъ Тайнымъ Совѣт«никомъ и Барономъ Нашего Россійскаго Государства,

«Всемилостивѣйше пожаловали. Петръ. P. S. Объявить «при подписаніи трактата.»

Петру столь настоятельно хотѣлось мира, что онъ дозволилъ графу Брюсу и Остерману согласиться, въ случаѣ необходимости, на возвращеніе Швеціи города Выборга. Остерману извѣстно было, что въ числѣ лицъ, которые сильно ему завидовали и тщетно домогались званія уполномоченнаго на конгрессѣ Ништадтскомъ, находился Павелъ Ивановичъ Ягужинскій, генералъ-адьютантъ и любимецъ Царскій, дипломатъ искусный и тонкій. Остерманъ, состоявшій въ дружественныхъ связяхъ съ Выборгскимъ комендантомъ Иваномъ Максимовичемъ Шуваловымъ *), убѣдилъ его, если Ягужинскій отправленъ будетъ въ Ништадтъ, то, по извѣстной слабости Ягужинскаго къ крѣпкимъ напиткамъ, накормить и напоить его безъ мѣры, и уложить на нѣсколько часовъ въ постель, а между тѣмъ увѣдомить Остермана чрезъ курьера. Такъ и сбылось. Ягужинскій отправленъ былъ отъ Петра съ повелѣніемъ Брюсу и Остерману согласиться на отдачу Выборга. Шуваловъ пригласилъ Ягужинскаго къ обѣду, напоилъ и уложилъ его, а къ Остерману отправилъ гонца. Остерманъ немедленно объявилъ Шведскимъ уполномоченнымъ, что получилъ отъ Царя повелѣніе чрезъ два часа отправить къ нему вѣсть о подписаніи трактата, или о

---

*) И. М. Шуваловъ былъ родителемъ фельдмаршаловъ графовъ Александра и Петра Шуваловыхъ, изъ коихъ послѣдній былъ родоначальникомъ графскаго дома Шуваловыхъ. У И. М Шувалова были два младшіе брата: Егоръ и Иванъ; послѣдній былъ родителемъ знаменитаго Ивана Ивановича Шувалова.

разрывѣ переговоровъ. Лилiенстедтъ и Стремфельдъ испугались, и договоръ былъ подписанъ за нѣсколько часовъ до прiѣзда Ягужинскаго, который никогда не могъ того забыть, и сдѣлался злѣйшимъ врагомъ Брюсу и Остерману. За то можно себѣ представить восхищенiе Петра, при полученiи договора, превосходившаго всѣ его ожиданiя! Вотъ письмо его къ графу Брюсу и къ барону Остерману: «Трактатъ, вами заключенный, столь «искусно составленъ, что и мнѣ самому не можно бы «лучше онаго написать, для подписи господамъ Шве«дамъ. Славное сiе въ свѣтѣ ваше дѣло останется на «всегда незабвеннымъ; никогда наша Россiя такого по«лезнаго мира не получала! Правда, долго ждали, да «дождались, за что всегда будетъ Богу, всѣхъ благъ «виновнику, нынѣ хвала!»

Оба уполномоченные награждены были деревнями и знатною суммою денегъ. Для характеристики Брюса и Остермана прибавить должно, что изъ предоставленныхъ имъ отъ Государя на *тайные расходы* тридцати тысячь червонцевъ, сберегли они въ пользу казны девять тысячь.

По возвращенiи Остермана въ С. Петербургъ, Петръ, обласкавъ его, сказалъ: «Все это хорошо, Андрей Ивановичъ! Ты теперь и знатенъ и богатъ — пока я живъ, «но не стань меня, и что сдѣлается съ тобою? Ты въ «Россiи человѣкъ чужой; не имѣешь родственныхъ свя«зей. Я хочу тебя женить, и выбрать тебѣ невѣсту!» Остерманъ изъявилъ согласiе и Петръ женилъ его на двадцати-трехъ-лѣтней дѣвицѣ, Марѳѣ Ивановнѣ Стрѣшневой, невѣстѣ богатой и принадлежавшей къ фамилiи,

родственной дому Царскому. (Извѣстно, что бабка Петра Великаго, Царица Евдокія Лукьяновна, была дочерію боярина Лукьяна Степановича Стрѣшнева). Отъ брака сего родились два сына, графъ Ѳедоръ и графъ Иванъ, и дочь, графиня Анна, супруга генералъ-аншефа Матвѣя Андреевича Толстаго и бабка нынѣшняго графа Александра Ивановича Остермана-Толстаго.

Говоря досолѣ о великихъ услугахъ, оказанныхъ Остерманомъ Россіи, мы должны теперь приступить къ описанію одного изъ чернѣйшихъ пятенъ его политическаго поприща. Сперва кліентъ, потомъ сотрудникъ, наконецъ, въ послѣднее время, мнимый другъ вице-канцлера барона Шафирова *) онъ добивался его мѣста и всѣми силами старался его погубить. Величайшими врагами вице-канцлера были: фельдмаршалъ князь Меншиковъ, канцлеръ графъ Головкинъ и оберъ-прокуроръ сената Скорняковъ - Писаревъ. Въ бытность Петра Великаго въ Персидскомъ походѣ, у Шафирова съ Скорняковымъ-Писаревымъ произошла ссора, изъ нея тяжба, и наконецъ, въ самомъ сенатѣ, сцена, отразившая-

*) Сынъ Московскаго сидѣльца, Петръ Павловичъ Шафировъ, началъ службу въ Посольскомъ Приказѣ; былъ первымъ въ Россіи вице-канцлеромъ, вице-президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ, и пожалованъ былъ барономъ 30 маія 1710 г. Приговоръ ему былъ на смертную казнь, но Петръ Великій перемѣнилъ оный, 15 февраля 1723 г., на вѣчное изгнаніе въ Новгородъ, откуда Шафировъ возвращенъ былъ Екатериною 1-ю, а при Аннѣ находился снова сенаторомъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и президентомъ коммерцъ-коллегіи. Сей искусный дипломатъ скончался 1 марта 1739 г., и со смертію единственнаго сына его, барона Исаіи Петровича, пресѣкся родъ бароновъ Шафировыхъ.

ся отчасти на князѣ Меншиковѣ и на графѣ Головкинѣ, и столь неблагопристойная, что графъ Брюсъ торжественно вышелъ изъ присутствія, обьявивъ, что подобныя происшествія служатъ въ обиду всему сенату. По возвращеніи Петра, враги Шафирова и въ томъ числѣ Остерманъ, успѣли дать такой оборотъ дѣлу, что Шафировъ отданъ былъ подъ слѣдствіе нарочно-наряженной коммиссіи, наименованной *вышнимъ судомъ*, и составленной изъ недоброжелателей вице-канцлера *). 15 февраля 1723 г. Шафировъ былъ сосланъ; Остерманъ же, происками своими много содѣйствовавшій къ его гибели, назначенъ, вмѣсто его, вице-президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и сенаторомъ, но не получилъ званія вице-канцлера, коего ревностно домогался. Въ послѣдніе годы жизни Петровой Остерманъ усердно служилъ Екатеринѣ и сдѣлался любимцемъ Меншикова. Сей послѣдній искалъ въ то время престола Курляндскаго, совѣтовался съ Остерманомъ и наконецъ сталъ просить его о поѣздкѣ въ Митаву, для хлопотъ по сему предмету. Остерманъ не могъ отказаться, но не предвидя успѣха и не любя предпринимать неудобоисполнимаго, обѣщалъ съѣздить; натеръ себѣ лице винными ягодами, увѣрилъ всѣхъ, что у него желтуха, и не поѣхалъ!

Въ то время дворъ раздѣлялся на двѣ партіи: лю-

---

*) *Вышній судъ* составляли: генералъ - фельдцейхмейстеръ графъ Брюсъ; дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Мусинъ - Пушкинъ; генералъ-аншефъ Бутурлинъ; тайный совѣтникъ графъ Матвѣевъ; генералъ-маіоры: Головинъ и Дмитріевъ-Мамоновъ (мужъ Царевны Прасковьи Іоанновны); бригадиръ Воейковъ; полковникъ Блеклый, гвардіи капитаны: Бредихинъ и Баскаковъ.

бителей старины и любителей новизны. Первая была многочисленнѣе. Къ ней принадлежали семьи: князей Долгоруковыхъ, Голицыныхъ, Рѣпниныхъ, Трубецкихъ, Барятинскихъ, Одоевскихъ, большая часть знатнаго дворянства и все высшее духовенство. Къ этой партіи принадлежали: семья Нарышкиныхъ, сильная своимъ несмѣтнымъ богатствомъ и родствомъ съ Царскимъ домомъ; семья Апраксиныхъ, сильная своимъ богатствомъ и генералъ-адмиральскимъ званіемъ графа Ѳедора Матвѣевича; семья Лопухиныхъ, изгнанная отъ Двора, но сильная богатствомъ, а еще сильнѣйшая родствомъ съ законнымъ наслѣдникомъ престола, Великимъ Княземъ Петромъ Алексѣевичемъ, родная бабка коего, первая супруга Петра Великаго, разведенная и постриженная Царица Евдокія Ѳеодоровна, была изъ роду Лопухиныхъ. Вторую партію составляли всѣ иностранцы, въ Россіи служившіе, и нѣсколько Русскихъ, вѣрующихъ въ предначертанія Петра Великаго. Изъ Русскихъ главными были: князь Меншиковъ, сынъ бѣднаго пирожника, Петромъ возведенный на степень генералъ-фельдмаршала, князь обѣихъ Имперій, Россійской и Римской, владѣлецъ девяноста тысячь душъ крестьянъ и несмѣтнаго движимаго имущества, оправдавшій свое возвышеніе геніемъ государственнымъ и дѣятельностію необыкновенною; на высотѣ могущества, онъ запятналъ себя криводушіемъ, жестокостію, любостяжаніемъ и неблагодарностію; въ послѣдствіи, лишенный власти, почестей и богатства, удаленный на хладныя тундры полуночной Сибири, онъ явилъ себя героемъ въ несчастіи; жилъ себялюбцемъ, а скончался праведникомъ! Графъ

Петръ Андреевичъ Толстой, мужъ ума государственнаго, въ молодости своей голова Стрѣлецкій и клевретъ Царевны Софіи, въ послѣдствіи ревностный слуга Петра и Екатерины, безразборчивый и безжалостный исполнитель тайныхъ порученій всякаго рода: Павелъ Ивановичъ Ягужинскій (въ послѣдствіи графъ), генералъ-прокуроръ сената, дипломатъ искусный; Графъ Андрей Артемоновичъ Матвѣевъ, мужъ ума недальняго, но благородный и прямодушный, нрава рѣшительнаго, сынъ знаменитаго боярина Матвѣева; Андрей Ивановичъ Ушаковъ (въ послѣдствіи графъ), послѣдователь графа П. А. Толстаго, вкрадчивый обхожденіемъ, злобный душою; Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, кабинетъ-секретарь Царскій, облеченный довѣренностію Петровою, но преданный, или правильнѣе сказать, проданный Меншикову. Изъ иностранцевъ, кромѣ Остермана, особенно замѣчательны были: генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Яковъ Вилимовичъ Брюсъ, одинъ изъ первыхъ ученыхъ своего вѣка, мужъ ума возвышеннаго и высокой добродѣтели, и еще два человѣка, столь же различные дарованіями, сколь и качествами, и оба неимѣвшіе еще значенія, въ послѣдствіи ими пріобрѣтеннаго: генералъ Минихъ и баронъ Левенвольде. Минихъ, сынъ Ольденбургскаго крестьянина, началъ службу подъ знаменами принца Евгенія; не задолго предъ тѣмъ поступилъ въ Русскую службу; въ послѣдствіи получилъ отъ Петра II-го графское достоинство; отъ Императрицы Анны — жезлъ фельдмаршальскій; ознаменовалъ себя блистательными дарованіями воинскими, высокимъ умомъ государственнымъ и стяжалъ любовь

Русскихъ солдатъ, которые, забывая иностранное происхожденіе Миниха, обожали его и называли *своимъ яснымъ соколомъ.* Рейнгольдъ Левенвольде, потомокъ древней баронской Остзейской фамиліи, началъ службу въ войскѣ Шведскомъ; взятъ былъ въ плѣнъ подъ Полтавою; жилъ и питался картами; красавецъ собою, попалъ ко двору въ каммергеры, и въ послѣдствіи получилъ отъ Екатерины чинъ оберъ-гофмейстера и графское достоинство. Баловень судьбы, онъ отличался неразборчивостію въ средствахъ къ пріобрѣтенію денегъ, которыя на слѣдующій же день проматывалъ, но въ качествѣ тайнаго агента вдовствующей герцогини Курляндской, Царевны Анны Іоанновны, пользовался благосклонностію и покровительствомъ сильнаго и могущественнаго дома Салтыковыхъ, ближайшихъ родственниковъ Царевны-герцогини, по ея матери, Царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ, рожденной Салтыковой. Антонъ Мануиловичъ Девіеръ, сынъ Португальскаго жида, купленный Петромъ съ корабля, гдѣ онъ находился каютнымъ мальчикомъ, нынѣ генералъ-адъютантъ и любимецъ Царскій, былъ важенъ для партіи по своему званію С. Петербургскаго оберъ-полиціймейстера; оказалъ Екатеринѣ величайшія услуги, и получилъ, въ послѣдствіи, отъ нея, награду неожиданную: графское достоинство. Три первостепенные и безразборчивые человѣкоугодника: канцлеръ графъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ, сенаторъ графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ и Архіепископъ Новгородскій Ѳеофанъ Прокоповичъ, не принадлежали ни къ той, ни къ другой партіи, а старались угождать обѣимъ.

Партія любителей старины опиралась на имя законнаго наслѣдника престола, юнаго Великаго Князя Петра Алексѣевича, и мысленно основывала свои надежды на будущемъ, предполагаемомъ вліяніи бабки его, постриженной Царицы Евдокіи Ѳеодоровны, и на воспоминаніи объ участи родителя юнаго Великаго Князя, Царевича Алексѣя Петровича. Само собою разумѣется, что въ подобныхъ обстоятельствахъ, партія любителей новизны опиралась на имя Екатерины; самъ Петръ, видя малолѣтство Великаго Князя, и для избѣжанія неудобствъ и опасности, сопряженныхъ съ регентствомъ, хотѣлъ оставить вѣнецъ Екатеринѣ; для сей цѣли короновалъ ее въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, 7 маія 1724 г., полагая всѣ предпріятія свои болѣе прочными подъ скипетромъ сироты, имъ возвеличенной, имъ образованной и окруженной его главнѣйшими сподвижниками и довѣренными лицами. Ровно чрезъ полгода послѣ коронованія Екатерины, Петръ совершенно измѣнилъ свои намѣренія: 24 ноября обручилъ старшую дочь свою, Цесаревну Анну Петровну, съ герцогомъ Голстейнскимъ; намѣревался поспѣшить свадьбою, и за малолѣтствомъ Великаго Князя Петра, во избѣжаніе регенства, оставить престолъ Цесаревнѣ Аннѣ. Смерть Императора остановила исполненіе намѣреній его... Въ послѣдніе мѣсяцы жизни Петровой, при дворѣ могли бы произойти величайшія перемѣны, если бы ходатайство и убѣжденія графа П. А. Толстаго и барона Остермана, на колѣняхъ умолявшихъ Петра не спѣшить переворотами, не остановили Императора. Но если бы Петру судьба дала еще прожить нѣсколько мѣсяцевъ, то Мен-

шиковъ и другія важнѣйшія лица, низринуты были-бы въ бездну гибели....

Старинный, неизлѣченный недугъ, душевныя волненія и сильная простуда, полученная имъ при спасеніи солдатъ, утопавшихъ на Невѣ, сократили жизнь Петра. Пятидесятидвухълѣтній Императоръ, исполинъ сложеніемъ, исполинъ здоровьемъ, въ половинѣ января 1725 года лежалъ на одрѣ смертномъ... Вокругъ этого одра боролись страсти, происки, надежды, опасенія. Екатерина не покидала умирающаго. Частыя совѣщанія происходили между княземъ Меншиковымъ, архіепископомъ Ѳеофаномъ, графомъ Толстымъ и барономъ Остерманомъ. На эти совѣщанія приглашаемъ былъ обыкновенно министръ и бывшій воспитатель герцога Голстейнскаго, графъ Бассевичъ, дипломатъ искусный и тонкій. Меншиковъ переманилъ на свою сторону Ивана Ивановича Бутурлина, подполковника преображенскаго полка, имѣвшаго большое вліяніе на свой полкъ. 26 января уже не оставалось никакой надежды. Сенатъ и первостепенные сановники, въ томъ числѣ и баронъ Остерманъ, собравшись во дворцѣ, пребывали въ немъ почти безвыходно *). 27 января, Ѳеофанъ исповѣдалъ Царя, причастилъ и соборовалъ елеемъ. Петръ молился, повторяя: *вѣрую, Господи, и исповѣдую; вѣрую, Господи, помози моему невѣрію,* и послѣ сказалъ: *надѣюсь, что Богъ проститъ мнѣ всѣ безчисленные грѣхи мои, ради добра, которое я сдѣлалъ своему народу!* По-

*) Дворецъ, гдѣ скончался Петръ Великій, находился на канавкѣ нынѣшняго Зимняго Дворца, гдѣ нынѣ преображенскія казармы, въ большой милліонной.

томъ, спросивъ аспидную доску, написалъ: *отдаю все...* Грифель выпалъ изъ рукъ его. *Позовите Аннушку!* произнесъ онъ. Цесаревна Анна Петровна подошла къ постели, но Петръ уже лишился языка, а въ слѣдъ за тѣмъ и чувствъ. Протекло еще нѣсколько часовъ и 28 января, въ четверть пятаго часа по полуночи, Петръ испустилъ дыханіе.

За нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, Бутурлинъ окружилъ дворецъ Преображенскими солдатами. Лишь только вѣсть о кончинѣ Императора 'достигла до залы, гдѣ собраны были сенаторы и сановники, Бутурлинъ отворилъ форточку, высунулъ голову, скомандовалъ — и барабаны загремѣли. «Это что значитъ?» воскликнулъ президентъ военной коллегіи, фельдмаршалъ князь Аникита Ивановичъ Рѣпнинъ, мужъ прямодушный и надменный. «Кто осмѣлился распоряжаться безъ моего вѣ-«дома? Или меня уже перестали почитать главнымъ «начальникомъ войскъ?»—«Это значитъ, ваше сіятель-«ство, отвѣчалъ Бутурлинъ, что распоряжался я, по na-«казу Ея Императорскаго Величества, Государыни Им-«ператрицы Екатерины Алексѣевны, которой и вы, и «я, и всякій вѣрный сынъ отечества обязаны безпреко-«словнымъ повиновеніемъ!» Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, истинный руководитель партіи старинно-любителей, предложилъ приступить къ совѣщанію о наслѣдствѣ престола: Меншиковъ возразилъ, что совѣщанія никакого не нужно, и, ссылаясь на присутствовавшаго кабинетъ-секретаря Макарова, сказалъ, что воля усопшаго Императора достаточно ознаменована торжественнымъ коронованіемъ Екатерины, за во-

семь мѣсяцевъ предъ тѣмъ, въ Москвѣ. Меншиковъ пригласилъ всѣхъ итти въ церковь, присягать Императрицѣ, что и было немедленно исполнено. Въ Москву, съ извѣстіемъ о томъ, отправленъ былъ сенаторъ Дмитріевъ-Мамоновъ. Московскій губернаторъ, сенаторъ графъ Матвѣевъ, безпрекословно привелъ первопрестольную столицу къ присягѣ на вѣрность Екатеринѣ 1-й. При раздачѣ наградъ, Остерманъ, прінявшій столь дѣятельное участіе въ послѣднихъ событіяхъ, получилъ давно-желанное имъ званіе вице-канцлера.

Донынѣ видѣли мы въ Остерманѣ сановника, облеченнаго довѣренностію Царскою и призываемаго къ совѣщанію о важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ. Со дня кончины Петровой увидимъ мы Остермана главнымъ руководителемъ дѣлъ политики внѣшней; впрочемъ, осторожный до боязливости и хитрый до невѣроятности, новый вице-канцлеръ никогда не дѣйствуетъ прямо, а всегда чрезъ другихъ, отклоняя отъ себя отвѣтственность, предоставляя другимъ опасность предпріятія, а себѣ выгоду успѣха, всегда напередъ зрѣло обдуманнаго и вѣрно-расчитаннаго. Отличительною чертою характера Остермана, было необыкновенное искуство избирать цѣль и средства къ ней ведущія; научать другихъ дѣйствовать, или, говоря простонароднымъ выраженіемъ, «чужими руками жаръ загребать» и въ послѣдствіи присвоивать себѣ всѣ плоды побѣды.

Со дня кончины Петровой, президентъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, канцлеръ графъ Головкинъ, предвидя борьбу партій и крамолъ, сталъ мало по малу уклонять-

ся отъ дѣлъ, и сохраняя всѣ свои высокія званія и титла, предоставилъ товарищу своему настоящее управленіе политическими дѣлами. Можетъ быть, зная характеръ Остермана, страшился онъ плачевной участи, постигшей Шафирова; можетъ быть, изъ ничтожества достигнувъ высшей степени почестей и богатства, желалъ, на шестидесяти-пяти-лѣтнемъ возрастѣ, вкусить отдыхъ и спокойствіе; какъ бы-то ни было, кормило внѣшней политики перешло въ руки тридцати-девяти-лѣтняго вице-канцлера, который, въ день бракосочетанія Цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ Голстейнскимъ (21 маія 1725 г.), пожалованъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

Не довольствуясь вліяніемъ на дѣла внѣшнія, Остерману хотѣлось имѣть сильный голосъ и въ дѣлахъ внутреннихъ. Кормило правленія внутренняго находилось въ рукахъ самолюбиваго, гордаго Меншикова. Что же выдумалъ Остерманъ? Убѣдилъ Меншикова переименовать сенатъ, изъ «правительствующаго» — «*высокимъ*» и учредить высшее правительственное мѣсто, куда бы всѣ бумаги поступали, какъ бы къ самой Императрицѣ. Въ февралѣ 1726 г. учрежденъ былъ *верховный тайный совѣтъ*. Членами назначены были: фельдмаршалъ князь Меншиковъ, генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, канцлеръ графъ Головкинъ и три дѣйствительные тайные совѣтника: графъ Толстой, князь Дмитрій Голицынъ и баронъ Остерманъ. Первымъ и важнѣйшимъ лицемъ былъ Меншиковъ, неограниченный властелинъ Имперіи; Головкинъ и Апраксинъ, по болѣзни уклоняясь отъ дѣлъ, не были опасными для вице-канцлера; графъ Толстой

былъ для него полезнымъ; оказавъ большія услуги Екатеринѣ, онъ пользовался ея довѣренностію, и хотя клевретъ и раболѣпный поклонникъ Меншикова, втайнѣ его ненавидѣлъ и искалъ лишь удобнаго случая его низвергнуть. Назначеніе князя Голицына было верхомъ искусства политики Остермановой. Князь Дмитрій былъ душою партіи старинно-любителей; назначеніе его не только пріобрѣтало благодарность всей этой партіи, многочисленной и могущественной, но еще дозволяло Остерману чаще видѣться съ княземъ Дмитріемъ и чрезъ то ближе и удобнѣе наблюдать за его дѣйствіями. Вскорѣ герцогъ Голстейнскій назначенъ былъ членомъ совѣта. По извѣстной малоспособности герцога къ дѣламъ, назначеніе сіе не должно было, казалось, имѣть важныхъ послѣдствій. Вышло иначе. Самолюбивый Меншиковъ, принужденный уступить герцогу первыя кресла въ совѣтѣ, возненавидѣлъ его за то. Общее мнѣніе съ удивленіемъ и сожалѣніемъ замѣчало, что въ совѣтѣ не присутствуютъ два человѣка, благородствомъ душевнымъ и прямизною права стяжавшіе уваженіе и друзей и недруговъ: фельдмаршалъ князь Рѣпнинъ и генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Брюсъ. Рѣпнинъ, бывшій другомъ Петра Великаго и всегда неуклонно вѣщавшій ему истину, вскорѣ скончался. Брюсъ обидѣлся, подалъ въ отставку, получилъ увольненіе съ почетнымъ званіемъ генералъ-фельдмаршала, удалился въ свою подмосковную и съ тѣхъ поръ, до конца жизни своей (въ 1735 г.), посвятилъ себя исключительно наукамъ. Тогда посолъ Вѣнскаго двора, графъ Рабутинъ (родственникъ знаменитой маркизши Севинье), дипло-

матъ искусный и предпріимчивый, сталъ хлопотать о назначеніи наслѣдникомъ престола юнаго Великаго Князя Петра Алексѣевича (извѣстно, что тогдашній Императоръ Германскій Карлъ VI-й и Царевичъ Алексѣй Петровичъ женаты были на родныхъ сестрахъ: юный Великій Князь былъ роднымъ племянникомъ Императора). Для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли, Рабутинъ обратился къ двумъ важнѣйшимъ министрамъ: Меншикову и Остерману. Меншикову Рабутинъ обѣщалъ согласіе Императора на бракосочетаніе Петра съ старшею дочерью его, княжною Маріею, а въ послѣдствіи, можетъ быть, и званіе курфирста Римской Имперіи; Остерману обѣщалъ графское достоинство и званіе воспитателя Великаго Князя. Сіе послѣднее обѣщаніе было даже немедленно исполнено Меншиковымъ. Остерманъ назначенъ былъ воспитателемъ Петра, и получилъ, по сему случаю, 1 января 1727 г., Андреевскую ленту. Всегда хитрый и осторожный, Остерманъ выпросилъ въ тотъ же самый день, у Меншикова, Андреевскую ленту и для соперника своего въ совѣтѣ, князя Дмитрія Голицына, который, съ умомъ обширнымъ и съ нравомъ самымъ рѣшительнымъ, сочеталъ необузданное честолюбіе и гордость непомѣрную,

Во время отсутствія изъ С. Петербурга Меншикова, ѣздившаго въ Митаву, для домогательствъ о престолѣ Курляндскомъ, тайные враги его, графы Толстой и Девіеръ, генералы Бутурлинъ и Ушаковъ, оберъ-прокуроръ Скорняковъ-Писаревъ, составили противъ него заговоръ и указъ о взятіи Меншикова подъ стражу былъ уже подписанъ Императрицею. Остерманъ не былъ на

сторонѣ Толстаго и Девіера. Толстой, принявшій столь важное участіе въ дѣлѣ Царевича Алексѣя Петровича, не могъ желать воцаренія сына Алексѣева. Остерманъ, напротивъ, желалъ возвышенія юнаго своего питомца. Къ счастію Меншикова, герцогъ Голстейнскій неожиданно и необдуманно вступился за него, на собственную бѣду свою, какъ увидимъ далѣе. Екатерина уничтожила указъ, и Меншиковъ, по возвращеніи своемъ, явился еще сильнѣе прежняго. Заговорщики были арестованы, заключены въ Петропавловскую крѣпость, и въ самый день Екатерининой кончины отправлены въ ссылку *). Въ февралѣ мѣсяцѣ Екатерина заболѣла, три мѣсяца томилась на смертномъ одрѣ и подписала, по усильнымъ убѣжденіямъ Меншикова, завѣщаніе, въ коемъ оставляла престолъ Великому Князю, и предписывала ему жениться на княжнѣ Маріѣ Александровнѣ Меншиковой; опеку же предоставила верховному тайному совѣту, въ коемъ назначалось присутствовать: Цесаревнѣ Аннѣ, герцогу Голстейнскому и Цесаревнѣ Елисаветѣ. 6 маія 1727 г., въ шесть часовъ по полудни, Екатерина скончалась. Меншиковъ окружилъ дворецъ гвардейскими полками, велѣлъ запереть городскія ворота, на слѣдующее утро собралъ во дворцѣ членовъ совѣта и сенаторовъ; повелъ ихъ въ церковь, и всѣ, начиная съ Цесаревны Ан-

*) Графы Толстой и Девіеръ, и потомки ихъ, лишены были графскаго достоинства, пожалованнаго Толстому Петромъ Великимъ, въ день Екатерининой коронаціи, 7 мая 1724 г., а Девіеру Екатериною, въ 1726 г., не задолго до его ссылки. Елисавета возвратила графство: Девіеру въ 1743 г., а сыновьямъ и внукамъ Толстаго 30 мая 1760 г.

ны и съ герцога Голстейнскаго, безпрекословно цѣловали крестъ, въ рукахъ архіепископа Өеофана, на вѣрность Императору Петру II-му.

Немедленно за тѣмъ, Меншиковъ перевезъ юнаго Императора къ себѣ въ домъ; чрезъ двѣ недѣли обручилъ его съ своею дочерью, княжною Маріею; началъ властвовать самовластно, произвольно расточалъ милости и опалы; объявилъ самаго себя генералиссимусомъ, завладѣлъ бриліянтами и посудою Царскою, и совершенно уничтожилъ, на дѣлѣ, власть, завѣщаніемъ покойной Императрицы предоставленную верховному тайному совѣту. Грубыми поступками своими принудилъ онъ герцога Голстейнскаго и супругу его удалиться изъ Россіи, и удержалъ денежную сумму, составлявшую вѣно Цесаревны. Забывая не только благодарность, которою онъ обязанъ былъ сотруднику своему Остерману, и пользу, какую вице-канцлеръ могъ принесть ему въ будущемъ, но даже и чувство приличія, онъ однажды до того забылся, что послѣ политическаго спора съ Остерманомъ, сказалъ ему: «если когда въ другой разъ «ты осмѣлишься со мною такъ дерзко спорить, то у «меня живымъ издохнешь на колесѣ!» Остерманъ смолчалъ, но поклялся отмстить, и сдержалъ слово.

Сосланный графъ Толстой замѣненъ былъ, въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Василіемъ Лукичемъ Долгоруковымъ, на котораго Меншиковъ думалъ полагаться, но князь Василій, родной племянникъ князя Якова Өедоро-

вича, не отличался прямотою душевною, обезсмертившею въ Русскихъ лѣтописяхъ память его дяди. Съ умомъ обширнымъ, проницательнымъ и тонкимъ, онъ сочеталъ нравъ лукавый, и возвысясь чрезъ покровительство Меншикова, искалъ нынѣ средствъ къ его погибели. Князь Василій и Остерманъ угадали другъ друга и вскорѣ сошлись между собою. Они рѣшились дѣйствовать чрезъ двоюроднаго племянника князь Васильева, девятнадцатилѣтняго князя Ивана Долгорукова. Родитель сего послѣдняго, князь Алексѣй Григорьевичъ, находился гофмейстеромъ при Императорѣ, и самъ князь Иванъ, неразлучный сопутникъ и собесѣдникъ юнаго Петра, пользовался неограниченною его довѣренностію. Подробности паденія Меншикова всѣмъ извѣстны и напечатаны въ двадцати разныхъ книгахъ. Бѣгло обозрѣвая ходъ событій и не имѣя времени распространяться, мы скажемъ только, что всемогущій баловень судьбы, въ теченіи цѣлыхъ сорока лѣтъ постоянно сокрушавшій всѣ козни придворныя, въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца 1727 г. палъ предъ происками девятнадцатилѣтняго юноши.

Сколь ни велики были пороки Меншикова, но паденіе этого исполина оставило какую-то пустоту въ Имперіи. Вакантное мѣсто въ совѣтѣ занялъ князь Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ. Но вскорѣ Остерманъ увидѣлъ, что прежнее значеніе его исчезло, и нѣтъ сомнѣнія, что если бы въ то время не было жестокой вражды между князьями Долгоруковыми и князьями Голицыными, тогда бы вице-канцлеръ погибъ невозвратно.

Вражда этихъ двухъ сильнѣйшихъ княжескихъ домовъ спасла Остермана, слѣдовавшаго въ то время системѣ политики, въ послѣдствіи прозванной Французами, въ эпоху министерства герцога Деказа, *le système de la bascule*. Въ такомъ положеніи находился Остерманъ во все царствованіе Петра II, и не получилъ даже графскаго достоинства, котораго домогался, и которое пожаловано было, въ день Императорскаго коронованія (25 февраля 1728), другу его, генералу Миниху. Петръ II рѣшился перенести снова столицу въ Москву и хотя намѣреніе это совершенно противорѣчило мыслямъ Остермана, но вице-канцлеръ долженъ былъ таить свой образъ мыслей, изъ опасенія навлечь себѣ гибель со стороны особъ, занимавшихъ первыя мѣста при Дворѣ. Въ то время Остерманъ ревностно трудился въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и неоднократно хворалъ отъ огорченія.

Само собою разумѣется, что, по удаленіи Меншикова, обрученіе Императора съ княжною Маріею Александровною было разрушено. Петръ весьма тому радовался, не любя княжны Маріи. . . . .
. . , ...
. . . .
. . . .

Князь Иванъ Долгоруковъ вознамѣрился женить Императора на сестрѣ своей. Еще въ послѣдніе мѣсяцы владычества Меншикова, Остерманъ, тайно снабжая князя Ивана совѣтами, какъ ему поступать и дѣйствовать къ гибели Меншикова, мимоходомъ, для поощренія

его, намекалъ о будущей возможности устроить бракъ Петровъ съ одною изъ княженъ Долгоруковыхъ. Нынѣ князь Иванъ достигъ своей цѣли. Петръ, проведя девять недѣль въ Горенкахъ, подмосковной князя Алексѣя Григорьевича, возвратился 9 ноября 1729 г. въ Москву, и 19 числа, собравъ дворъ, велѣлъ Остерману объявить всѣмъ о предстоящемъ бракосочетаніи его съ княжною Екатериною Алексѣевною Долгоруковою. 30 ноября, послѣдовало торжественное обрученіе. Остерману хотя и непріятенъ былъ сей бракъ, но вице-канцлеръ былъ слишкомъ хитеръ для противодѣйствія неотразимому ходу событій, и слишкомъ остороженъ для изъявленія безполезнаго неудовольствія. 6 января, юный Императоръ сильно простудился на обрядѣ водосвятія, на Москвѣ рѣкѣ; вскорѣ открылась оспа; Императоръ вторично простудился, и 17 числа всякая надежда на выздоровленіе исчезла. Остерманъ прекрасно велъ себя въ послѣдніе дни жизни юнаго вѣнценосца; не покидалъ своего питомца; ухаживалъ за нимъ съ отцовскою нѣжностію, и 19 января, въ три часа по полуночи, принялъ послѣдній вздохъ его. Предвидя при дворѣ крамолы и перевороты, онъ расчелъ за лучшее отъ всего на время отстраниться, пока обстоятельства не воспріимутъ хода рѣшительнаго и прочнаго вмѣстѣ. Со слезами облобызавъ хладную руку усопшаго Императора, онъ велѣлъ, при себѣ, обмыть и одѣть трупъ; и, по исполненіи плачевнаго обряда, вмѣсто того, чтобы итти въ засѣданіе верховнаго тайнаго совѣта, уѣхалъ домой, притворился страждущимъ глазами и подагрою, и никого къ себѣ не принималъ.

Всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ, въ тоже самое роковое утро, верховный тайный совѣтъ привелъ въ исполненіе нелѣпую и пагубную для Россіи мысль ограничить власть Императорскую. Князь Василій Лукичъ Долгоруковъ повезъ проэктъ, подписанный всѣми членами совѣта, на домъ къ Остерману: вице-канцлеръ отозвался, что глазная боль мѣшаетъ ему читать. Князь Василій прочелъ вслухъ, и требовалъ его подписи. Остерманъ взялъ перо, и внезапно выронивъ его изъ рукъ, принялся стонать и жаловаться на ужасную хирaргическую боль въ рукѣ, и такимъ образомъ не подписалъ проэкта!

Вдовствующая герцогиня Курляндская, средняя дочь Царя Іоанна V, Царевна Анна, избрана была на престолъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, по причинѣ отдаленія ея отъ Москвы (дозволявшей совѣту принять всѣ нужныя мѣры), и вмѣстѣ съ тѣмъ по извѣстной безпечности права ея. Между тѣмъ составилась, въ пользу самодержавія, сильная партія. 10 февраля, Анна прибыла въ село Всесвятское; а 15 числа имѣла въѣздъ въ столицу. Остерманъ сидѣлъ у себя на дому, въ заперти, все притворяясь страждущимъ глазами, но чрезъ супругу свою ежедневно сносился съ Императрицею, пересылая ей совѣты, какимъ образомъ поступать и дѣйствовать. Члены совѣта столь строго наблюдали за всѣми лицами, имѣющими доступъ къ Аннѣ, что для доставленія Императрицѣ ежедневной записки, въ которой содержались совѣты ея приверженцевъ, прибѣгали къ слѣдующему средству. Каждое утро приводимъ былъ къ

Аннѣ второй, младшій сынъ Бироновъ, Карлъ *), семнадцатимѣсячный младенецъ, нѣжно ею-любимый. Записку клали за пазуху ребенка. 24 февраля, триста человѣкъ дворянъ, предводимыхъ фельдмаршаломъ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Трубецкимъ, сенаторомъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ, генералъ-маіоромъ княземъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Барятинскимъ, генералами: С. А. Салтыковымъ, Г. П. Чернышевымъ и А. И. Румянцевымъ, пріѣхали во дворецъ и просили Императрицу о воспріятіи самодержавной власти, что и было немедленно исполнено, ко всеобщему ликованію. Лишь только Анна учинилась самодержицею, у Остермана глазную боль какъ рукою сняло: онъ явился во дворцѣ бодрѣе и здоровѣе прежняго, и легко можно посудить о блистательномъ пріемѣ, Анною ему оказанномъ. 28 Апрѣля послѣдовало коронованіе Императрицы, а накапунѣ того дня, раздача наградъ всѣмъ лицамъ, пріявшимъ большее или меньшее участіе въ возстановленіи самодержавія. Остерманъ возведенъ былъ, со всѣмъ нисходящимъ отъ него потомствомъ, въ графское Россійской Имперіи достоинство, а супруга его, графиня Марѳа Ивановна, пожалована статсъ-дамою.

Тогда при дворѣ произошли большія перемѣны. Изъ

*) Князь Карлъ Биронъ былъ родителемъ нынѣшней графини Л. К. Віельгорской и родоначальникомъ существующаго нынѣ, въ Прусскомъ Королевствѣ, дома князей Бироновъ.

Старшій братъ князя Карла, герцогъ Петръ, наслѣдовалъ отцу своему, и въ 1795 г. уступилъ Курляндію Россіи. Онъ имѣлъ сына, умершаго въ молодости, и четырехъ дочерей, въ томъ числѣ нынѣшнюю княгиню - герцогиню Талейранъ, столь извѣстную подъ прежнимъ ея именемъ герцогини Дино.

всѣхъ прежнихъ дѣйствователей, устояли на мѣстѣ лишь Головкинъ и Остерманъ, но Головкинъ еще болѣе прежняго уклонялся отъ участія въ дѣлахъ, и вліяніе его совершенно затмѣнено было вліяніемъ Остермана. На сценѣ политической появились новые дѣйствователи. То были: графы Биронъ, Левенвольде, Минихъ, генералъ Ушаковъ, сенаторъ князь Черкасскій. Графъ Биронъ, любимецъ Анны, не заботился ни о славѣ своей благодѣтельницы, ни о выгодахъ Россіи: желалъ лишь денегъ и возможности исполнять всѣ прихоти свои; былъ вовсе неразборчивъ въ средствахъ къ обогащенію, и будучи нрава свирѣпаго, являлся ужаснымъ и неумолимымъ во мщеніи. Анна находилась вполнѣ подъ его вліяніемъ, вліяніемъ неизъяснимымъ, но безграничнымъ. Съ другой стороны, графъ Биронъ, не имѣя ни довольно ума, ни достаточнаго образованія для управленія государственными дѣлами, самъ находился всегда, болѣе или менѣе, подъ вліяніемъ лицъ, которые его окружали и умѣли вкрасться въ его довѣренность.

Въ отношеніи внѣшней политики происходила около Бирона тайная борьба между двумя искусными государственными мужами: графами Остерманомъ и Левенвольдомъ, и отъ того дѣла внѣшней политики шли успѣшно. Графъ Карлъ-Густавъ Левенвольде, генералъ-аншефъ, оберъ-шталмейстеръ и подполковникъ новоучрежденнаго Измайловскаго полка, младшій братъ того графа Рейнгольде, о коемъ была рѣчь выше, сочеталъ умъ государственный съ тонкостію дипломата; оказалъ услуги Аннѣ, при ея вступленіи на престолъ; успѣлъ совершенно овладѣть довѣренностію Бирона; ненави-

дѣлъ Россію и Россіянъ, но, умный и осторожный, понималъ необходимость не раздражать народа сильнаго и могущественнаго. Пока онъ живъ былъ, Россіи было не худо, но дѣла приняли совсѣмъ иной оборотъ послѣ кончины Левенвольда, умершаго 30 апрѣля 1735 года. Военное вѣдомство находилось въ рукахъ знаменитаго графа Миниха. Возведенный, въ послѣдній годъ царствованія ПЕТРА II, въ званіе генералъ-фельдцейхмейстера; по воцареніи Анны назначенный президентомъ военной коллегіи, и чрезъ два года возведенный на степень генералъ-фельдмаршала, онъ оказалъ Россіи величайшія услуги. Обожаемый подчиненными, ненавидимый товарищами, Минихъ въ такой степени необходимъ былъ для Россіи, что удержался на своемъ мѣстѣ во всю эпоху владычества Бирона, не взирая на всѣ козни многочисленныхъ враговъ своихъ, не взирая на происки Ушакова, ненависть Левенвольда и недоброжелательство самаго Бирона. Въ отношеніи къ дѣламъ управленія внутренняго, происходила около графа Бирона борьба между графомъ Левенвольдомъ, подававшемъ ему совѣты умные, и Ушаковымъ, злодѣемъ въ душѣ. По прошествіи пяти лѣтъ, преждевременная кончина графа Левенвольда избавила Ушакова отъ опаснаго соперника, и съ той поры началась ужасная эпоха, одно воспоминаніе о коей доселѣ заставляетъ содрогаться всякаго Русскаго!

Верховный тайный совѣтъ уничтоженъ былъ немедленно по воспріятіи Анною власти самодержавной, и тогда же возвращенъ сенату титулъ: «правительствующаго». Графъ Остерманъ, не измѣнявшій намѣре-

нія своего ближе наблюдать за общимъ ходомъ дѣлъ въ Имперіи, убѣдилъ графа Бирона, въ началѣ 1731 г., возобновить тотъ же совѣтъ, подъ именемъ *кабинета*, именуя членовъ его *кабинетъ-министрами*. Кабинетъ-министровъ сперва назначено было трое: Головкинъ, Остерманъ и Черкасскій, но въ концѣ 1731 года въ кабинетѣ присутствовали: канцлеръ графъ Головкинъ, вице-канцлеръ графъ Остерманъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Минихъ, сенаторъ князь Черкасскій и оберъ-каммергеръ графъ Биронъ, а съ весны 1733 года и оберъ-шталмейстеръ графъ Левенвольде. Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, владѣлецъ огромнаго достоянія, пользовался особеннымъ благоволеніемъ и признательностію Императрицы за великія услуги, оказанныя имъ при возстановленіи самодержавія, но, по ограниченности ума и по робости нрава, не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на дѣла политическія. Графъ Головкинъ, семидесяти-лѣтній старецъ, не входилъ уже ни во что, и такъ дѣйствователями на сценѣ политической были, кромѣ Бирона: Остерманъ, Левенвольде и Минихъ; къ нимъ присоединить должно Ушакова, который не присутствовалъ къ кабинетѣ, но былъ силенъ довѣренностію Бирона и своимъ званіемъ начальника тайной канцеляріи. Остерманъ и Минихъ, дотолѣ бывшіе друзьями, разладили съ 1732 г., когда Минихъ, возведенный на степень генералъ-фельдмаршала, занялъ въ кабинетѣ кресла выше Остермана, чего вице-канцлеръ, крайне самолюбивый и завистливый, никогда простить ему не могъ.

Въ 1734 году скончался графъ Головкинъ, а весною

1735 года сошелъ въ могилу и графъ Левенвольде. Кончина послѣдняго произвела ужасную перемѣну въ положеніи Россіи, избавивъ Ушакова отъ всякаго соперника, а Бирона отъ преграды, которую столь умно, хитро и незамѣтно противопоставлялъ графъ Левенвольде бурнымъ порывамъ страстей его. Кресла Левенвольда занялъ въ кабинетѣ новый оберъ-шталмейстеръ, графъ Ягужинскій, къ общему удивленію: всѣмъ извѣстно было, что Ягужинскій заклятый врагъ Остермана, за событіе, разсказанное нами въ описаніи мира Ништадтскаго, и что Биронъ, съ своей стороны, врагъ Ягужинскаго, который, однажды, въ пьяномъ видѣ, хотѣлъ его заколоть.

Во все царствованіе Анны являются намъ лишь два случая, гдѣ она дѣйствуетъ независимо отъ воли Бирона, и даже противъ воли его: когда, помня великія услуги, оказанныя ей Ягужинскимъ при ея воцареніи, возводитъ его на верхъ почестей, и потомъ, когда рѣшительно ниспровергаетъ замыселъ герцога Курляндскаго, женить старшаго сына своего Петра на принцессѣ Мекленбургской Аннѣ Леопольдовнѣ, дочери Царевны Екатерины Іоанновны и родной племянницѣ Императрицы. Въ семъ послѣднемъ случаѣ содѣйствовалъ Аннѣ, изъ подъ руки, и самъ Остерманъ, но столь скрытно и хитро, что Биронъ о томъ не провѣдалъ. Въ назначеніи Ягужинскаго кабинетъ-министромъ, Остерманъ не имѣлъ никакого участія. Впрочемъ, не долго Ягужинскій присутствовалъ въ кабинетѣ; онъ скончался чрезъ годъ послѣ Левенвольда, 6 апрѣля 1736 г., и кресла его въ кабинетѣ отданы были человѣку, пріобрѣвшему гром-

кую извѣстность и вовсе незаслуженную знаменитость, оберъ-егермейстеру Артемію Петровичу Волынскому. Биронъ полагалъ имѣть въ Волынскомъ, который низко льстилъ ему, искуснаго сподвижника въ случаѣ рѣшительной борьбы съ Минихомъ или съ Остерманомъ.

При воцареніи Анны, нареченный тесть Императора Петра II, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ, отправленъ былъ со всѣмъ семействомъ своимъ въ Березовъ, а прочіе князья Долгоруковы и князья Голицыны, разосланы по отдаленнымъ губерніямъ: главнѣйшею причиною ссылки ихъ была ненависть графовъ Бирона и Остермана; Бирона за обиду, нанесенную ему княземъ Василіемъ Лукичемъ, и вмѣстѣ изъ боязни видѣть возобновленіе особливой благосклонности, оказанной Анною князю Василію Лукичу, въ Митавѣ, въ 1725 году; Остермана за уничтоженіе, при Петрѣ II, всего политическаго вліянія вице-канцлера. Прошло нѣсколько лѣтъ; Императрица, по домогательствамъ барона Шафирова, вызвала изъ заточенія зятя его, князя Сергія Григорьевича Долгорукова, роднаго дядю невѣсты Петра II. Разнесся вдругъ при Дворѣ слухъ о близкомъ назначеніи князя Сергія къ одному изъ внѣшнихъ дипломатическихъ постовъ. Остерманъ ужаснулся, страшась постепеннаго возстановленія рода Долгоруковыхъ и ожидая отъ нихъ мщенія; представилъ Волынскому и Ушакову, что имъ угрожаетъ опасность лишиться своего политическаго вліянія, и всѣ трое, чрезъ Бирона, ужаснули Императрицу выдумками и небылицами. Убѣдили подъячаго Тишина сдѣлать лживый доносъ, свезли князей Долгоруковыхъ въ Петербургъ, предали

ихъ шемякинскому суду и ужаснѣйшимъ пыткамъ, и 12 ноября 1739 года, однихъ казнили въ Новгородѣ, другихъ разослали въ тяжкое заточеніе.

За кровавою драмою Долгоруковыхъ, быстро последовала другая драма, не менѣе кровавая — Волынскаго. Артемій Петровичъ Волынскій, потомокъ древняго и знаменитаго рода боярскаго, одаренъ былъ отъ природы умомъ обширнымъ, проницательнымъ, любознательнымъ, честолюбіемъ ненасытимымъ, нравомъ корыстолюбивымъ, коварнымъ и злобнымъ. Мы видѣли, что ласкаясь къ графу Бирону, получилъ онъ, чрезъ его ходатайство, чины генералъ-аншефа и оберъ-егермейстера, а по кончинѣ графа Ягужинскаго и высокое званіе кабинетъ-министра. Вскорѣ природнымъ умомъ и способностями къ занятіямъ пріобрѣлъ онъ благосклонность Императрицы. Тутъ пришла ему мысль низвергнуть, сперва Остермана, потомъ и самаго герцога Курляндскаго, и занять первое мѣсто въ Имперіи. Многіе полагали видѣть въ Волынскомъ отчизнолюбца, желавшаго освободить Россію изъ подъ ига Биронова. Мы не можемъ повѣрить, чтобы любовь къ отечеству могла обитать въ душѣ, заклейменной алчностію и любостяжаніемъ, и видимъ въ Волынскомъ лишь сановника, желавшаго заступить при дворѣ мѣсто Бирона. Какъ-бы то ни было, Волынскій дѣйствовалъ опрометчиво: слишкомъ рано выказалъ свои намѣренія; входилъ въ жаркіе споры и частыя столкновенія съ Остерманомъ, всегда холоднымъ и разсчетливымъ; однажды до такой степени вышелъ изъ себя, что въ полномъ засѣданіи кабинета назвалъ герцога Курляндскаго «вассаломъ Польши»,

ни мало не заботился о привлеченіи на сторону свою могущаго начальника тайной канцеляріи, Ушакова, который, по уму и по вліянію своему, былъ необходимою подпорою для герцога Курляндскаго, (что и доказано паденіемъ герцога въ 1740 году) и слишкомъ надѣялся на содѣйствіе лицъ, которыя ненавидѣли Бирона, но покинули Волынскаго въ минуту опасности, а именно: родственниковъ Императрицы Салтыковыхъ; двоюроднаго брата Императрицы графа Михайла Гавриловича Головкина, и кабинетъ-министра князя Черкасскаго. У Волынскаго были еще два врага, весьма опасные по своимъ связямъ въ обществѣ, по дружбѣ къ нимъ Ушакова, по довѣренности къ нимъ Бирона: оберъ-шталмейстеръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ и управляющій адмиралтействъ-коллегіею, адмиралъ графъ Николай Ѳедоровичъ Головинъ. Куракинъ негодовалъ на Волынскаго за подчиненіе придворной конюшенной части вѣдѣнію оберъ-егермейстера, а Головинъ за обнаруженіе, въ адмиралтействъ-коллегіи, безпорядковъ, уличавшихъ его, Головина, въ любостяжаніи. Куракинъ и Головинъ много содѣйствовали къ гибели Волынскаго. Ужасное положеніе Россіи, въ тогдашнее время, можно видѣть изъ словъ Волынскаго въ письмѣ его къ князю Григорію Алексѣевичу Урусову: «Намъ Русскимъ хлѣбъ не «надобенъ: мы другъ друга ѣдимъ и съ того сыты бы«ваемъ!» Развязка рѣшительной борьбы между пылкимъ и опрометчивымъ Волынскимъ, съ одной стороны, а съ другой всемогущимъ при дворѣ Бирономъ, и коварнымъ, хладно-разсчетливымъ Остерманомъ, не могла быть сомнительною, но ужасна была участь, постигная

Волынскаго.... 27 іюня 1740 года, на Петербургской сторонѣ, на сытномъ рынкѣ, Волынскому вырѣзали языкъ, отсѣкли правую руку и наконецъ обезглавили его. Съ нимъ пострадали и его приближенные: гофъ-интендапта Петра Михайловича Еропкина обезглавили; президенту коммерцъ-коллегіи графу Платону Ивановичу Мусину-Пушкину вырѣзали языкъ; пострадали и второстепенные сановники: Хрущовъ, котораго обезглавили; Соймоновъ, Эйхлеръ и Зуда.

Мѣсто Волынскаго заступилъ въ кабинетѣ дипломатъ искусный и тонкій, Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, въ послѣдствіи графъ, государственный канцлеръ и сановникъ столь могущественный, но въ то время еще ласкатель и угодникъ Бирона.

Между тѣмъ здоровье Императрицы быстро склонялось къ упадку. Наслѣдникомъ престола назначенъ былъ младенецъ, Принцъ Іоаннъ Антоновичъ Браунъ-швейгъ-Беверискій, родившійся за два мѣсяца предъ тѣмъ, 12 августа 1740 года, отъ брака родной племянницы Анны, Принцессы Мекленбургской Анны Леопольдовны, съ Принцемъ Антономъ-Ульрихомъ Браушвейгъ-Беверискимъ.

4 октября, обѣдая, по обыкновенію, съ герцогомъ Курляндскимъ и съ герцогинею, Императрица внезапно упала въ обморокъ, и отнесена была на свою постель въ безпамятствѣ. Испуганный Биронъ послалъ немедленно за докторами, и найдя во дворцѣ президента коммерцъ-коллегіи барона Менгдена, поручилъ ему съѣздить поскорѣе за кабинетъ-министрами: княземъ Чер-

касскимъ, графомъ Минихомъ и Бестужевымъ, также за оберъ-гофмаршаломъ графомъ Рейнгольдомъ Левенвольдомъ. Когда эти сановники собрались во дворцѣ, Бестужевъ, изъ подобострастія, а Черкасскій изъ робости, стали убѣждать герцога принять регенство Имперіи на все время малолѣтства будущаго Императора. Биронъ, хотя предварительно о томъ условленный съ Бестужевымъ, изъявлялъ притворное удивленіе. Левенвольду все было равно: хоть гибни Россія; только были-бы у него, Левенвольда, деньги и карты; Минихъ не былъ въ состояніи бороться съ герцогомъ; оба изъявили невольное согласіе. Биронъ просилъ всѣхъ четверыхъ отправиться немедленно къ графу Остерману, который, жестоко страдая подагрою, давно не выѣзжалъ и занимался дѣлами у себя на дому, и условиться съ нимъ о составленіи, къ слѣдующему утру, манифеста, о назначеніи герцога Курляндскаго регентомъ Имперіи. Остерманъ, на слова пріѣхавшихъ, отвѣчалъ, что въ такомъ важномъ для Россіи событіи, первыми дѣйствователями должны быть природные Русскіе, а не онъ, иностранецъ. Правиломъ Остермана было никогда не дѣйствовать прямо, а всегда чрезъ другихъ, отклоняя отъ себя отвѣтственность и опасность. Послѣ отвѣта вице-канцлера, неудовольствіе выразилось на лицѣ Бестужева. «Я удивляюсь, рѣзко сказалъ Бестужевъ, почему графъ, «столь долго служивъ Россіи и оказавъ ей столь великія услуги, почитаетъ себя иностранцемъ? Впрочемъ, «продолжалъ онъ, обратясь къ присутствовавшимъ, если «графъ не раздѣляетъ нашихъ мнѣній, то мы можемъ «дѣйствовать съ своей стороны.» Такой рѣшительный

отвѣтъ показалъ Остерману, что ему предстоитъ лишь выборъ между участіемъ въ дѣлѣ и собственною гибелію. Вице-канцлеръ тотчасъ возразилъ: «Меня не «поняли; я не хотѣлъ первый подавать своего мнѣнія «о рѣшеніи судьбы Россіи, но если вы хотите знать «мой образъ мыслей, то скажу вамъ, что я не вижу, ко«му-бы можно было поручить регенство, кромѣ его свѣт«лости герцога Курляндскаго.» Тотчасъ приступили, съ общаго согласія, къ сочиненію манифеста о будущемъ воцареніи юнаго принца Іоанна, и условились собрать на слѣдующее утро чрезвычайный совѣтъ, въ который пригласить, кромѣ кабинетъ-министровъ, важнѣйшихъ сановниковъ, а именно: оберъ-шталмейстера князя Куракина, генералъ-прокурора князя Никиту Юрьевича Трубецкаго, адмирала графа Головина, Ушакова, оберъ-гофмаршала Василія Андреевича Шепелева и генералъ-поручика Василія Ѳедоровича Салтыкова, дальняго родственника Императрицы. Остерманъ, не будучи въ состояніи ни ходить, ни выѣзжать, обѣщалъ велѣть себя нести, на слѣдующее утро, во дворецъ, въ креслахъ, что и было исполнено. Само собою разумѣется, что ни одинъ изъ присутствовавшихъ въ совѣтѣ сановниковъ не былъ въ силахъ бороться съ Бирономъ, и положено было просить Императрицу подписать составленное совѣтомъ духовное завѣщаніе о назначеніи герцога Курляндскаго регентомъ Россіи, до достиженія юнымъ Императоромъ семнадцати-лѣтняго возраста. Сколь ни велико было вліяніе Бирона на Императрицу, но трудно было исторгнуть согласіе Анны: во первыхъ по любви ея къ племянницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, судь-

ба которой предавaема была духовнымъ завѣщаніемъ, можно сказать, въ руки Бирона; во вторыхъ, по неимовѣрной боязни и отвращенію, внушаемымъ Аннѣ всѣмъ, что лишь могло напоминать ей о смерти. Члены собраннаго совѣта положили отправить къ ней, для убѣжденія, графа Остермана. Вице-канцлеръ, предвидя себѣ гибель отъ Бирона въ случаѣ отказа, принялъ это порученіе; за невозможностію ходить отъ подагры, принесенъ былъ въ креслахъ въ спальню Императрицы; долго и краснорѣчиво увѣщевалъ ее; наконецъ Анна взяла у него изъ рукъ духовное завѣщаніе, и положила къ себѣ подъ изголовье, говоря: *хорошо*; *посмотрю*!

Прошло нѣсколько дней: Императрица не упоминала о завѣщаніи. Герцогъ Курляндскій трепеталъ. Наконецъ, собравъ сановниковъ, присутствовавшихъ на совѣтѣ 5 октября, предложилъ имъ на разсужденіе: что дѣлать? Положено было, чтобы герцогъ снова убѣждалъ Императрицу. Биронъ отправился къ Аннѣ, которая долго слушала его въ молчаніи; наконецъ сказала: *Сожалѣю о тебѣ, герцогъ; ты стремишься къ своей гибели*! *Позови ко мнѣ Остермана*. Вице-канцлеръ былъ немедленно принесенъ въ креслахъ; Императрица тотчасъ подписала актъ, не прочитавъ даже его. Невыразима была радость герцога Курляндскаго; съ восторгомъ благодарилъ онъ сановниковъ; обнималъ ихъ; обѣщалъ имъ доказать свою благодарность на дѣлѣ, и довольно не кстати воскликнулъ: *Господа*! *вы поступили какъ Римляне*!

17 октября, вечеромъ, Императрица скончалась. Немедленно отворили двери спальни ея. Оберъ-гофмар-

шалъ графъ Левенвольде со слезами извѣстилъ всѣхъ присутствовавшихъ во дворцѣ о кончинѣ Государыни. Герцогъ Курляндскій рыдалъ и казался въ отчаяніи; но чрезъ четверть часа велѣлъ генералъ-прокурору князю Трубецкому прочесть предъ всѣми актъ объ учрежденіи регенства. На разсвѣтѣ вывели гвардію подъ ружье, собрали сенатъ, и во всѣхъ церквахъ открыли присягу на вѣрность младенцу-Монарху и регенту. Столица была въ отчаяніи, но спокойна. На площадяхъ разставили пушки; по улицамъ ходили патрули; по всѣмъ концамъ Россіи разослали гонцевъ съ извѣстіемъ о произшедшемъ. Между тѣмъ негодованіе всеобщее выражалось тайно, но сильно. Ненависть къ регенту достигла высшей степени. Ежедневно хватали сотни людей и предавали ихъ жестокимъ пыткамъ. Всѣ, кромѣ Бирона, ясно видѣли, что подобный порядокъ вещей долго продолжаться не можетъ, но никто и не ожидалъ столь скорой развязки, какая воспослѣдовала. Остерманъ держался въ сторонѣ, но уже принималъ втайнѣ мѣры, дабы при неизбѣжномъ переворотѣ, остаться въ ладу съ новыми политическими дѣйствователями. Самъ Ушаковъ, доселѣ клевретъ и совѣтникъ герцога Курляндскаго, предвидя паденіе герцога, начиналъ изъ подъ руки искать опоры въ Аннѣ Леопольдовнѣ, въ Минихѣ и въ Остерманѣ. Никто болѣе Миниха не алкалъ низвергнуть регента, въ надеждѣ доставить регенство Аннѣ Леопольдовнѣ, а власть предоставить себѣ. Отважный, рѣшительный, кумиръ войска, одинъ Минихъ въ состояніи былъ предпринять подобный переворотъ. Ровно чрезъ двадцать-двое сутокъ по кончинѣ Императрицы,

ночью съ 8 на 9 ноября, фельдмаршалъ, съ содѣйствіемъ адъютанта своего подполковника Манштейна и осьмидесяти гвардейскихъ гренадеровъ, арестовалъ регента и провозгласилъ Анну Леопольдовну Россійскою Великою Княгинею и правительницею Имперіи до совершеннолѣтія сына ея. 10 ноября розданы были награды всѣмъ лицамъ, пріявшимъ большее или меньшее, явное или тайное участіе въ паденіи регента. Принцъ Антонъ — Ульрихъ назначенъ былъ генералиссимусомъ всѣхъ Россійскихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ; графу Миниху пожаловано сто тысячь рублей (полмилліона нынѣшнихъ) и сынъ его графъ Іоаннъ — Эрнестъ пожалованъ оберъ-гофмейстеромъ; князь Черкасскій государственнымъ канцлеромъ; дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Михайло Головкинъ вице-канцлеромъ и кабинетъ-министромъ на мѣсто изгнаннаго изъ кабинета клеврета Биронова, Бестужева-Рюмина; Александръ Львовичъ Нарышкинъ (двоюродный братъ Петра Великаго) пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники; Ушакову, князю Куракину и графу Головину пожалованы Андреевскія ленты; Московскому губернатору князу Борису Григорьевичу Юсупову, сенатору Василію Ивановичу Стрѣшневу (шурину графа Остермана) и барону Менгдену Александровскія ленты; графу Левенвольду восемьдесятъ тысячь рублей (четыреста тысячь нынѣшнихъ). Минихъ, прежній другъ, нынѣшній соперникъ Остермана, искалъ, чѣмъ-бы наградить, и вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣять вице-канцлера, и хилый, недужный дипломатъ назначенъ былъ генералъ-адмираломъ Россійскаго флота, съ повелѣніемъ продолжать

управлять и коллегіею иностранныхъ дѣлъ! Никакое перо не опишетъ восторга народнаго при низверженіи регента: въ теченіи двадцати лѣтъ, съ самаго заключенія, при Петрѣ Великомъ, достославнаго мира Ништадтскаго, не проявлялось такого общаго, единодушнаго ликованія во всѣхъ сословіяхъ; богатые освѣщали свои дома; незнакомые люди обнимались на улицахъ; народъ съ радости плясалъ на площадяхъ!

Новая правительница, двадцатилѣтняя женщина, одаренная всѣми прекрасными качествами души и сердца, являла въ нравѣ своемъ неизъяснимое сочетаніе свойствъ самыхъ противоположныхъ: любила входить въ дѣла правосудія, и отличалась природною, непобѣдимою лѣнію: имѣла нравъ безпечный, разсѣянный, склонный къ наслажденіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ознаменовала себя непреклоннымъ упорствомъ, симъ несомнѣннымъ признакомъ ума неопытнаго и недальновиднаго. Особенною довѣренностію ея пользовались: Саксонскій посланникъ графъ Линаръ, фрейлина баронесса Юлія Менгденъ, и новый кабинетъ-министръ графъ Головкинъ. Графъ Линаръ, красавецъ собою, отличался хитростію и вкрадчивостію.*) Графъ Михайло Гавриловичь Головкинъ, младшій изъ трехъ сыновей покойнаго канцлера графа Гавріила Ивановича, и по На-

---

*) Графъ Линаръ вскорѣ за тѣмъ отправился въ Саксонію, чтобы устроить дѣла свои, и потомъ вступить въ Россійскую службу. Ему обѣщано было званіе оберъ-каммергера. Къ счастію его, онъ не находился въ Россіи во время переворота 24 ноября, а то неминуемо попалъ бы въ Сибирь.

рышкинымъ правнучатный братъ Петра Великаго, не имѣлъ обширнаго ума, но по благородству душевному, по огромному богатству, по открытому, пышному образу жизни и по близкому родству съ Императорскимъ домомъ, пользовался большимъ значенiемъ и при Дворѣ и въ обществѣ. Онъ женатъ былъ на княжнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Ромодановской, внукѣ грознаго Князя-Кесаря. Мать ея, княгиня Анастасiя Ѳедоровна, рожденная Салтыкова, была родною сестрою Царицы Прасковьи Ѳедоровны. Слѣдственно графиня Екатерина Ивановна была двоюродною сестрою Императрицы Анны и двоюродною теткою правительницы; въ послѣдствiи, во дни злополучiя супруга своего, графиня Екатерина Ивановна, ангелъ доброты и кротости, оказала необычайную твердость духа. Она пользовалась нѣжною дружбою Императрицы Анны и особеннымъ уваженiемъ юной правительницы. Дружба эта спасла графа Головкина отъ злобы Бирона, который его ненавидѣлъ и былъ имъ ненавидимъ. Вообще Головкинъ не жаловалъ иностранцевъ, а Остермана любилъ еще менѣе прочихъ, помня, какимъ образомъ родитель его, канцлеръ графъ Гаврiилъ Ивановичъ, въ послѣднiе годы жизни своей устраненъ былъ Остерманомъ отъ всякаго влiянiя на дѣла. Головкинъ и Липаръ умѣли отдалить правительницу отъ Остермана, который, будучи во враждѣ и съ Минихомъ, искалъ себѣ подпоры, и вошелъ въ самыя короткiя сношенiя съ принцемъ Антономъ Ульрихомъ. Но принцъ, называвшiй Остермана «своимъ наставникомъ,» хотя былъ человѣкомъ добрымъ и благороднымъ, не пользовался, довѣ-

ренностію своей супруги, и притомъ не имѣлъ ни малѣйшей способности къ дѣламъ.

Минихъ, низвергнувъ Бирона, мыслилъ занять первое мѣсто въ Государствѣ, и съ негодованіемъ взиралъ на политическое значеніе Остермана и Головкина. Четыре мѣсяца продолжалась эта тайная борьба; наконецъ Минихъ подалъ просьбу въ отставку, полагая, что его будутъ умолять не покидать службы, и, къ величайшему изумленію своему, получилъ увольненіе, 7 марта 1741 года. Остерманъ и Головкинъ убѣдили правительницу, воспользоваться этимъ случаемъ для избавленія себя отъ фельдмаршала. Мѣсто его въ Кабинетѣ осталось не занятымъ. Кабинетъ состоялъ въ то время лишь изъ трехъ членовъ: графа Остермана, князя Черкаскаго и графа Головкина, и Остерманъ достигъ наконецъ перваго кресла въ Кабинетѣ, давно имъ желаннаго.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ежели правительница слѣдовала бы совѣтамъ хитраго и дальновиднаго графа Остермана, то ей и дому ея предстояла бы самая блистательная будущность. Послѣ бѣдствій, въ теченіи послѣднихъ семи лѣтъ тяготѣвшихъ надъ Россіею, всякому правительству легко было стяжать благодарность и любовь народную; Анна Леопольдовна, кроткая и благодушная, не могла никому внушать ненависти или злобы. Но для удержанія за собою власти, необходимо должно было являть величайшую осмотрительность и осторожность, и неусыпно наблюдать за Цесаревною Елисаветою Петровною и приближенными Ея. Тщетно Остерманъ увѣщевалъ правительницу быть осторож-

нию; тщетно самъ Левенвольде, обыкновенно не входившій въ дѣла государственныя и занятый лишь деньгами и картами, предвидѣлъ гибель для всѣхъ приближенныхъ Анны Леопольдовны и предостерегалъ правительницу, сія послѣдняя безпечно дремала на краю бездны, и къ сожалѣнію, Головкинъ и Линаръ, какъ мы сказали выше, отдалили ее отъ Остермана, дипломата необходимаго для правительства во всякое время, а тѣмъ болѣе въ тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

11 ноября 1741 года, Остерманъ, жестоко страдавшій подагрою и хирагрою, велѣлъ себя отнести во дворецъ въ креслахъ, и въ послѣдній разъ неотступно убѣждалъ правительницу принять мѣры осторожности. Въ отвѣтъ, великая княгиня заговорила съ нимъ о нарядахъ и показала ему новое платье, сшитое для младенца-Императора. Остерманъ, въ отчаяніи, простился съ Анною Леопольдовною, которой ему уже не было суждено болѣе видѣть въ здѣшнемъ мірѣ, — возвратился домой; созвалъ, на слѣдующій день, извѣстнѣйшихъ докторовъ столицы, и они, согласно желанію Остермана, предписали ему отправиться *немедленно* въ Спа, и употреблять тамошнія минеральныя воды. Остерманъ, видя невозможность спасти тогдашнее правительство и при томъ видя охлажденіе къ нему, Остерману, самой правительницы, желалъ, по крайней мѣрѣ, спасти самаго себя отъ предстоявшей грозы, и для сей цѣли намѣревался удалиться — на время — изъ Россіи. 13 ноября подалъ онъ просьбу объ увольненіи;

правительница медлила изъявленіемъ своего согласія, и по прошествіи одиннадцати дней, гроза разразилась...

Когда какое-нибудь правительство начинаетъ стремиться къ своей гибели, то всѣ его подпоры обращаются противъ него; таковъ уже непреложный законъ хода событій міра сего. Биронъ погибъ отъ своей жестокости; Анна Леопольдовна отъ излишняго добродушія. При видѣ ея безпечности, всѣ приверженцы ея, предчувствуя гибель, стали искать себѣ опоры и новыхъ покровителей. Остерманъ и Левенвольде хотѣли на время удалиться изъ Россіи; Ушаковъ, Черкасскій, Куракинъ и Головинъ вошли въ тайныя сношенія съ приверженцами Елисаветы;*) лишь благородный, прямодушный Головкинъ остался въ душѣ вѣрнымъ Аннѣ Леопольдовнѣ и не мыслилъ отдѣлить своей участи отъ судьбы ея. Приверженцы Елисаветы рѣшились погубить Миниха, Остермана, Левенвольде, Менгдена. Ненависть къ Нѣмцамъ столь возрасла въ послѣднее десятилѣтіе, что эти четыре главные представители Нѣмецкаго племени на тогдашней политической сценѣ, осуждены были на гибель. Изъ враговъ ихъ, одни льстились надеждою заступить ихъ мѣсто въ правительствѣ; другіе простирали виды свои на ихъ огромное достояніе. (Одинъ Минихъ имѣлъ ежегоднаго дохода до девяно-

*) Ушаковъ не только сохранилъ при семъ переворотѣ званіе начальника тайной канцеляріи; но еще получилъ подтвержденіе на Андреевскій орденъ, пожалованный ему правительницею, и чрезъ два года по воцареніи Елисаветы возведенъ былъ въ графское достоинство.

ста тысячь рублей, около четырехъ-сотъ-пятидесяти тысячь нынѣшнихъ.) Къ гибели Головкина, кромѣ его званій вице-канцлера и кабинетъ-министра и огромнаго богатства, содѣйствовало еще и близкое родство супруги его съ юнымъ Императоромъ. Не спасло несчастнаго и самое родство его съ Елисаветою, которой онъ приходился, по Нарышкинымъ, правнучатнымъ дядею. Елисавета весьма неохотно согласилась пожертвовать Минихомъ, Остерманомъ и Левенвольдомъ. Первые два были дѣятельными сподвижниками ея родителя; благоговѣли предъ памятію Петровою, и въ царствованіе Анны были защитою родственниковъ Екатерины I-й, Ефимовскихъ и Гендриковыхъ. Левенвольде обязанъ былъ возвышеніемъ своимъ Екатеринѣ, и, какъ извѣстно, всегда пользовался особеннымъ ея благоволеніемъ. Про Остермана Елисавета помнила, что въ прежнія времена, онъ дѣятельно заботился о бракѣ ея съ Петромъ II-мъ; къ тому же пятидесяти-пяти-лѣтній дипломатъ, посѣдѣвшій въ козняхъ и переворотахъ политическихъ, не былъ охотникомъ до борьбы неуспѣшной; не вступилъ-бы въ состязаніе съ ходомъ событій; употребилъ-бы свой геній на службу Елисаветы, и безъ сомнѣнія оказалъ бы ей столь же великія услуги, какъ и пяти ея предшественникамъ! Но приближенные Елисаветы алкали богатствъ и высокихъ званій, и гибель Миниха, Остермана, Головкина, Левенвольда и Менгдена была рѣшена. Ночью съ 24 на 25 ноября эти пять сановниковъ, равно какъ и правительница со всѣмъ своимъ семействомъ, взяты были подъ стражу. Остерманъ имѣлъ пребываніе въ своемъ домѣ, на Исаакіевской площади, (гдѣ ны-

нѣ зданіе сената). Страждущій подагрою и хирагрою, онъ былъ на своей постели, ночью, перевезенъ во дворецъ, а по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, и въ Петропавловскую крѣпость. Въ бѣдствіи своемъ, Головкинъ, Левенвольде и Менгденъ упали духомъ; Минихъ остался пылкимъ и непоколебимымъ по прежнему; Остерманъ, по прежнему, хладнымъ, и, по видимому, безстрастнымъ. Наряжена была уголовная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора, (т. е. министра юстиціи), князя Никиты Юрьевича Трубецкаго. Обвинительные пункты противъ Остермана были слѣдующіе: 1) что въ сочиненномъ имъ духовномъ завѣщаніи Императрицы Анны, онъ не упомянулъ о завѣщаніи Екатерины I-й, въ коемъ Цесаревна Елисавета находилась въ числѣ будущихъ наслѣдниковъ престола; 2) сочинялъ проэктъ о выданіи замужъ Цесаревны Елисаветы за какого-нибудь иностраннаго принца; 3) другой проэктъ о утвержденіи наслѣдства Россійскаго престола за дѣтьми обоего пола правительницы Анны Леопольдовны и 4) убѣждалъ правительницу принять титулъ: «Императрицы». Приговорено было его колесовать. Остерманъ съ спокойнымъ духомъ выслушалъ приговоръ; исполнилъ послѣдній долгъ христіянина, и утромъ 18 января 1742 года, отвезенъ былъ, въ простыхъ саняхъ, въ халатѣ и въ шубѣ, на сенатскую площадь, куда привезены были и товарищи его бѣдствія. На площади воздвигнутъ былъ эшафотъ; шесть тысячь войска окружали оный. Остермана подняли съ саней, внесли на эшафотъ, посадили на скамью, сняли съ головы колпакъ и парикъ, и сенатскій секретарь сталъ

читать приговоръ, на пяти листахъ. Величественное спокойствіе выражалось на лицѣ Остермана, обросшемъ бородою. По окончаніи чтенія, Остерману разстегнули воротникъ у халата и у рубашки, обнажили шею, и положили голову на плаху; потомъ немедленно прочли указъ, измѣнявшій смертную казнь на вѣчное заточеніе въ Березовъ. Солдаты, по данному знаку, сняли Остермана съ плахи; онъ, не измѣнясь въ лицѣ, застегнулъ воротникъ у рубашки и у халата, и хладнокровно спросилъ себѣ парикъ и колпакъ. Посаженный въ сани, онъ былъ отвезенъ обратно въ крѣпость и ночью слѣдующаго дня, 19 января 1742 года, отправленъ въ Сибирь, куда супруга его за нимъ послѣдовала. Отправленіе осужденныхъ возложено было на оберъ-прокурора Св. Синода, князя Якова Петровича Шаховскаго. Вотъ слова князя Шаховскаго, въ его запискахъ:

«По вступленіи моемъ въ казарму, увидѣлъ я онаго, «бывшаго кабинетъ-министра, графа Остермана, лежа-«щаго и громко стенящаго, жалуясь на подагру, кото-«рый при первомъ взорѣ встрѣтилъ меня своимъ крас-«норѣчіемъ, изъявляя сожалѣніе о преступленіи своемъ «и о прогнѣвленіи нашей Всемилостивѣйшей Монархини, «кое здѣсь я подробно описывать за излишнее почелъ; «наконецъ просилъ онъ, чтобы я представилъ Ея Вели-«честву о милостивомъ и великодушномъ покровитель-«ствѣ дѣтей его, а какъ я имѣлъ повелѣніе, чтобы всѣ «говоренныя при отправахъ оныхъ арестантовъ рѣчи «записывать и представлять Ея Величеству, то прика-«залъ стоящему близь меня, для такихъ записокъ опре-«дѣленному, все то записать, а ему, бывшему графу

«Остерману, объявилъ, что оное отъ меня, куда надле-«житъ, представлено будетъ. Потомъ объявилъ ему «Высочайшій Ея Величества указъ, каковой каждому «изъ нихъ при отправленіи объявлять было повелѣно; «приказалъ офицеру, опредѣленному къ его отвозу, «чтобъ его команды солдаты, сего несчастнаго поднявъ «съ постелью, отнесли и бережно положили въ сани, «такъ-какъ и все съ нимъ подлежащее отправилъ и ве-«лѣлъ оному офицеру въ пристойномъ порядкѣ совсѣмъ «въ свой путь ѣхать; о женѣ же его, при семъ случаѣ «находившейся, кромѣ слезъ и горестнаго стенанія ни-«чего описывать не имѣю.»

Имѣніе графа Остермана было описано въ казну, за исключеніемъ слабой части, предоставленной его дѣтямъ. Въ Березовѣ содержаніе ему было производимо самое скудное и великій дипломатъ, въ теченіи шестнадцати лѣтъ управлявшій кормиломъ Россійской внѣшней политики, едва имѣлъ необходимое для существованія, и бесѣдовалъ съ супругою своею при свѣтѣ лампады, налитой рыбьимъ жиромъ. Не долго томился онъ въ ужасномъ заточеніи: подагра, хирагра, душевная горесть, неизвѣстность о судьбѣ дѣтей и политическое бездѣйствіе, столь убійственное для лицъ, пріобыкшихъ къ дѣятельности этого рода, — сократили жизнь Остермана. Онъ скончался въ Березовѣ, 20 мая 1747 года, шестидесяти лѣтъ отъ роду. Бренные останки его тамъ же были преданы землѣ, и никто нынѣ въ Березовѣ не знаетъ мѣста, гдѣ покоится прахъ великаго дипломата!

Въ частной жизни своей, графъ Остерманъ былъ скупъ до невѣроятности; домъ его знаменитъ былъ своею нечистотою; служители были въ лохмотьяхъ; серебряная посуда, ежедневно имъ употребляемая, по нечистотѣ своей походила на оловянную; столъ, за исключеніемъ торжественныхъ дней, былъ самый дурной; собственная одежда его внушала отвращеніе, особенно въ послѣдніе годы его могущества, когда онъ выходилъ изъ кабинета лишь на обѣденное время.

Въ политическомъ отношеніи, графъ Остерманъ былъ непроницаемъ въ своихъ намѣреніяхъ; всегда и говорилъ и писалъ двусмысленно; иногда являлся тронутымъ до слезъ; никогда не глядѣлъ никому прямо въ глаза; умѣлъ превращать взоръ свой въ неподвижный и въ безжизненный, и когда затруднялся отвѣтомъ, смотрѣлъ вверхъ, такъ что зрачки глазъ его скрывались подъ рѣсницами. Если кто домогался отъ него рѣшительнаго отвѣта, то онъ, послѣ долгихъ отводовъ, начиналъ вдругъ жаловаться на жестокую боль отъ подагры и перемѣнялъ разговоръ. Когда въ ноябрѣ 1740 года Минихъ арестовалъ герцога Курляндскаго, новая правительница Анна Леопольдовна послала пригласить Остермана во дворецъ. Остерманъ притворился больнымъ коликою, и явился во дворецъ лишь по полученіи имъ удостовѣрительнаго извѣстія объ арестѣ регента! Случалось иностраннымъ посланникамъ, послѣ двухъ-часовой, неумолкной бесѣды съ Остерманомъ въ его кабинетѣ, съ глаза-на-глазъ, выходить оттуда ничего не узнавъ объ его намѣреніяхъ! Прибавимъ еще, что онъ былъ въ высшей степени недовѣрчивъ, кова-

ренъ, злопамятенъ; не терпѣлъ не только высшихъ себя, но и равныхъ, и никогда не усомнялся, для достиженія своей цѣли, принести въ жертву кого-либо изъ своихъ друзей или благодѣтелей...

Съ другой стороны, графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ отличался, въ отношеніи денежномъ, безкорыстіемъ неизмѣннымъ; никогда не принялъ подарка отъ иностраннаго двора безъ соизволенія Россійскаго правительства; неусыпно пекся о выгодахъ Россіи; иностранецъ происхожденіемъ, служилъ отечеству нашему со всѣмъ усердіемъ, со всею вѣрностію, со всѣмъ безкорыстіемъ природнаго Россіянина; никогда не отдѣлялъ выгодъ своихъ отъ выгодъ Россіи, и алкая честолюбіемъ и славою, полагалъ собственную славу свою во славѣ Россіи! Въ бытность свою воспитателемъ Петра II, онъ нѣжно привязался къ своему питомцу; неуклонно вѣщалъ истину пылкому юношѣ; переносилъ его холодность, и снова возвращался съ убѣжденіями. Петръ Великій, на смертномъ одрѣ своемъ, сказалъ: *Остерманъ необходимъ Россіи; онъ ни разу не ошибался въ дѣлахъ дипломатическихъ; лучше всѣхъ знаетъ нужды и потребности Россіи.* Фридрихъ Великій писалъ: *Царствованіе Петра Великаго образовало человѣка, по опытности его будто нарочно предназначеннаго къ понесенію бремени правленія государственнаго при преемникахъ Петровыхъ — графа Остермана. Искусный кормчій, онъ, въ эпоху переворотовъ самыхъ бурныхъ, вѣрною рукою управлялъ кормиломъ Имперіи, являлся осторожнымъ или отважнымъ, смотря по обстоятель-*

ствамъ и зналъ Россію, какъ Верней тѣло человѣческое!

Уже минуло сто лѣтъ, какъ надъ домомъ Долгоруковыхъ разразилась гроза ужасная — и однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ этого кроваваго событія былъ графъ Остерманъ. Да позволено будетъ мнѣ, князю Долгорукову, воздать должную дань справедливости государственному генію графа Остермана и необъятнымъ заслугамъ, которыя графъ Остерманъ оказалъ Россіи. Не принадлежа къ числу тѣхъ лѣтописцевъ, которые непремѣнно требуютъ отъ людей совершенства, и видя въ родѣ человѣческомъ почти повсемѣстный перевѣсъ зла надъ добромъ, я полагаю, что судъ перваго должно предоставить Всевышнему, а за послѣднее люди должны быть благодарны. Пороки графа Остермана предоставимъ суду Бога-сердцевѣдца, но, чада Россіи, не забудемъ, что рожденный не вдалекѣ отъ прекрасныхъ береговъ Рейна, и велѣніями судьбы дивной и непостижимой заброшенный на снѣга сѣвера; чуждый Россіи, но усыновленный ею, сей великій государственный мужъ, въ теченіи тридцати семи лѣтъ, усердно, вѣрно, и въ денежномъ отношеніи всегда безкорыстно служилъ избранному имъ отечеству; въ смутную годину Петра II и Анны являлся незыблемою подпорою Россіи, и оставилъ по себѣ, въ лѣтописяхъ родины нашей, память неувядаемую.

По кончинѣ графа Андрея Ивановича, графиня Марѳа Ивановна Остерманъ возвращена была изъ заточенія. Она пережила супруга своего тридцатьючетырьмя годами; имѣла удовольствіе видѣть младшаго сына сво-

его вице-канцлеромъ, и скончалась 24 февраля 1781 года, на восемьдесятъ третьемъ отъ рожденія. У нихъ было два сына: графъ Ѳедоръ и графъ Иванъ и дочь, графиня Анна Андреевна, въ супружествѣ за генералъ-аншефомъ Матвѣемъ Андреевичемъ Толстымъ. *Графъ Ѳедоръ Андреевичь* родился въ 1722 году; во дни могущества родителя своего находился, на двадцатомъ году отъ рожденія, капитаномъ преображенскаго полка и Александровскимъ кавалеромъ, но послѣ паденія отца переведенъ капитаномъ въ армейскій полкъ и лишенъ ленты. Въ семи-лѣтнюю войну, онъ былъ за отличіе произведенъ въ полковники (1758); по воцареніи Петра III въ генералъ-маіоры; въ 1768 году снова получилъ Александровскую ленту, которую имѣлъ за двадцать семь лѣтъ предъ тѣмъ; потомъ находился Московскимъ губернаторомъ (1773); генералъ-поручикомъ (1781); сенаторомъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ (1782) и Андреевскимъ кавалеромъ (1792). Скончался въ Москвѣ, 10 ноября 1804 года, на восемьдесятъ-третьемъ отъ рожденія; съ добрымъ сердцемъ, съ природнымъ умомъ и съ обширными познаніями сочеталъ нравъ самый разсѣянный. О разсѣянности его сохранилось въ преданіи много забавныхъ анекдотовъ.

Младшій братъ его, *графъ Иванъ Андреевичь*, родился въ 1723 году: вмѣстѣ съ братомъ своимъ находился капитаномъ гвардіи, и вмѣстѣ съ нимъ переведенъ былъ въ армейскій полкъ, когда отецъ ихъ сосланъ былъ въ Сибирь. Въ послѣдствіи онъ находился при посольствѣ въ Парижѣ (1757 — 1760), посланникомъ

въ Стокгольмѣ съ чиномъ бригадира (1760); генералъ-маіоромъ (1763); тайнымъ совѣтникомъ (1770); Александровскимъ кавалеромъ (1772); отозванъ былъ изъ Швеціи для присутствія въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (1774); пожалованъ вице-канцлеромъ (1775); сенаторомъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ (1781); получилъ Владимірскую ленту при самомъ учрежденіи ордена (1782), а вскорѣ и Андреевскую (1784). Императоръ Павелъ, на другой день по восшествіи своемъ на престолъ, пожаловалъ его государственнымъ канцлеромъ и президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (7 ноября 1796); но въ слѣдующемъ году, чрезъ двѣ недѣли послѣ коронованія Императора, графъ Иванъ Андреевичь испросилъ (21 апрѣля) себѣ увольненіе отъ службы и остальные дни жизни своей провелъ въ Москвѣ, гдѣ и скончался 18 апрѣля 1811 года, на восемьдесятъ-осьмомъ отъ рожденія. Супруга его, графиня *Анна Васильевна*, рожденная Толстая, пожалована была Императоромъ Александромъ въ статсъ-дамы (12 декабря 1801). Графъ Иванъ Андреевичъ не наслѣдовалъ родительскаго генія, но ознаменовалъ себя пламеннымъ отчизнолюбіемъ и непоколебимымъ благородствомъ душевнымъ. Однажды, въ царствованіе Екатерины, отправлена была къ Англійскому двору сильная нота, вопреки мнѣнію вице-канцлера. Нота сія едва не произвела разрыва. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, графъ Иванъ Андреевичъ является къ Екатеринѣ и говоритъ ей: «Предсказаніе мое исполнилось, но можно еще исправить «ошибку; прошу Ваше Величество сложить всю вину

«на меня. Объявите Англійскому посланнику, что Вашъ «вице-канцлеръ отъ старости выжилъ изъ ума и отпра«вилъ ноту безъ Вашего соизволенія; даже запретите «мнѣ на нѣкоторое время пріѣздъ ко двору. Для поль«зы Вашей и для пользы Россіи я готовъ терпѣть на«смѣшки цѣлаго свѣта!» *)

Графы Ѳедоръ и Иванъ Андреевичи, не имѣя потомства, просили Екатерину передать графское достоинство, съ именемъ и съ гербомъ Остермана, внуку ихъ родной сестры, Анны Андреевны Толстой, подполковнику Александру Ивановичу Толстому. Императрица изъявила согласіе, и Высочайшій указъ о томъ послѣдовалъ 27 октября 1796 года, за десять дней до кончины Екатерины. *Графъ Александръ Ивановичь Остерманъ-Толстой* получилъ, при Павлѣ, чинъ генералъ-

---

*) У меня хранится копія съ любопытной записки, представленной Прусскимъ посланникомъ въ С. Петербургѣ, графомъ Гольцомъ, наслѣдному принцу Прусскому (въ послѣдствіи Королю Фридриху Вильгельму II), въ 1780 году, въ Нарвѣ, въ проѣздъ принца въ С. Петербургъ. Въ этой запискѣ графъ Гольцъ описываетъ, какимъ образомъ принцъ можетъ пріобрѣсть расположеніе каждаго изъ сановниковъ Россійскаго Двора, и между прочимъ говоритъ о графѣ Иванѣ Андреевичѣ Остерманѣ: „Le vice-chancelier Comte Ostermann „est un galant homme, fort attaché au système actuel de l'alliance avec „la Prusse, mais sans crédit Cependant sa place et ses sentimens „exigent des attentions. En lui parlant comme à un homme qu'on „croit avoir une influence que sa place devrait lui donner; en allant „dîner ou souper chez lui; en louant l'ordre qui règne dans sa mai„son; en lui parlant de sa mission en Suède, où il a été quatorze an„nées; en montrant des attentions à madame la Comtesse, cela suf„fira pour le gagner entièrement."

маіора (1 февр. 1798); при Александрѣ чинъ генералъ-лейтенанта (15 марта 1806); въ отечественную войну командовалъ пѣхотнымъ корпусомъ и получилъ, за Бородинскую битву, Александровскую ленту; въ 1813 году, подъ Кульмомъ, 17 августа, геройскою твердостію своею спасъ всю союзную армію и слѣдовательно всю Европу. За эту исполинскую битву, гдѣ онъ лишился руки, графъ Александръ Ивановичь получилъ орденъ Св. Георгія второй степени и Владимірскую ленту. Въ послѣдствіи жалованъ былъ генералъ-адьютантомъ (17 августа 1814) и генераломъ отъ инфантеріи (17 августа 1817). Въ день заложенія памятника на Кульмскомъ полѣ, 17 сентября 1835 года, графъ Александръ Ивановичь получилъ отъ Государя слѣдующій рескриптъ: «Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія къ «подвигамъ Русскаго войска въ незабвенную отечествен-«ную войну, присутствовавъ сегодня при заложеніи па-«мятника, сооружаемаго Его Величествомъ Императо-«ромъ Австрійскимъ, во исполненіе воли покойнаго Им-«ператора Франца I, Русскимъ войскамъ, дѣйствовав-«шимъ въ сраженіи при Кульмѣ, Мы переносились во-«споминаніемъ въ день знаменитой Кульмской битвы, «когда вы, въ минуту рѣшительную для дѣла всей Ев-«ропы, противуставъ съ малыми силами многочислен-«ному непріятелю, повели Русскихъ на страшный бой, «и кровію своею указали храбрымъ вѣрный путь къ «побѣдѣ! Подъ Кульмомъ вы стяжали неувядаемую «славу предпріимчиваго вождя, вполнѣ постигшаго духъ «и сердце Русскаго солдата! Помня всегда заслуги не-

«забвенной войны, совершенной подъ личнымъ предво-«водительствомъ въ Бозѣ почивающаго Брата Нашего, «и желая, въ сей торжественный день, почтить, въ ли-«цѣ Вашемъ, всѣхъ храбрыхъ воиновъ Россійской арміи, «которые, подвигами непоколебимаго мужества, увѣнча-«ли геройскую рѣшимость Вашу столь блистательнымъ «успѣхомъ, Мы Всемилостивѣйше жалуемъ Васъ кава-«леромъ ордена Святаго Андрея Первозваннаго, и проч.»

Однажды, въ бытность сего знаменитаго витязя въ Германіи, пришло къ нему нѣсколько людей въ бѣдной одеждѣ, которые, напомнивъ ему о Германскомъ происхожденіи прадѣда, называли себя его родственниками и представили тому доказательства. Заслуженный и богатый вельможа съ радостію принялъ бѣдныхъ родственниковъ, осыпалъ ихъ ласками, и предъ отъѣздомъ устроилъ ихъ вещественную будущность. Графъ Александръ Ивановичь не имѣлъ дѣтей отъ супруги своей княжны Елисаветы Алексѣевны Голицыной, дочери князя Алексѣя Борисовича Голицына и княгини Анны Егоровны (которая была дочерью Грузинскаго Царевича Егора Вахтангѣевича и Царевны Маріи Яковлевны, рожденной княжны Долгоруковой). *Графиня Елисавета Алексѣевна* родилась 3 августа 1779 года; скончалась, отъ водяной болѣзни, въ Каннштадтѣ, близъ Стутгардта, 24 апрѣля (6 мая) 1835 года. Ангелъ доброты и благодушія, графиня Елисавета Алексѣевна была добродѣтельною женщиною, въ самомъ полномъ и самомъ обширномъ значеніи этого слова; находила наслажденіе въ оказаніи благодѣяній; была вѣрною и неизмѣнною

въ дружбѣ; пользовалась, въ высшей степени, всеобщимъ уваженіемъ и любовію всеобщею, и оставила по себѣ неизгладимое воспоминаніе въ тѣхъ, которые умѣли познать и оцѣнить эту душу, слишкомъ чистую и слишкомъ возвышенную для здѣшняго міра.

Князь Петръ Долгоруковъ.

С. Петербургъ,
16 ноября 1841 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

МАНИФЕСТЪ.

28 Ноября 1741 года.

Объявляемъ всѣмъ.

Понеже въ прошломъ 727 году, маія 7 чісла, по кончінѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Матери Нашей, Великія Государыни Императрицы ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢЕВНЫ объявленною духовною, (по которой тогда всѣ Наши вѣрноподданные, какъ духовнаго такъ и свѣтскіхъ чіновъ прісягали,) о наслѣдствѣ Всероссій-

скаго Императорскаго Престола, первымъ артикуломъ опредѣленъ наслѣдникомъ Императоръ ПЕТРЪ Вторый: а по кончинѣ ево о сукцессорахъ Всероссійскаго Престола, въ 8 мъ артикулѣ сими словами изображено, тако: Ежели Великій Князь безъ наслѣдніковъ преставится, то имѣетъ по немъ Цесаревна Анна съ своими Десцендентами, по ней Цесаревна ЕЛИСАВЕТА, и Ее Десценденты, а потомъ Великая Княжна, и Ее Десценденты наслѣдствовать, однакожъ мужеска полу наслѣдніки предъ женскімъ предпочтены быть имѣютъ; однако же никто никогда Россійскімъ Престоломъ владѣть не можетъ, которой не греческаго закона, или кто уже другую корону имѣетъ. И тако слѣдовательно по тому Ея Императорскаго Величества Матери Нашей Государыни тестаменту, какъ то выше изображено, Мы еще тогдажъ, какъ скоро по воли Всемогущаго Бога Императоръ ПЕТРЪ Вторый, сію временную на вѣчную жізнь премѣнилъ, уже законною наслѣдницею Нашего Отеческаго Всероссійскаго Престола безъ изьятія были, но недоброжелательными къ Намъ и коварными происки, бывшаго тогда при Его Императорскомъ Величествѣ, Оберъ-Гофъ-Мейстеромъ Графа Андрея Остермана, та Ея Величества Матери Нашея Государыни духовная, по кончинѣ Его Величества, (ибо при упомянутомъ Его Величествѣ Императорѣ ПЕТРѢ Второмъ, всѣ Государственныя такой важности подлежащія дѣла, были въ ево Остермана рукахъ) скрыта, и евожъ Остермана происком, дабы Мы, яко довольно зная уже ево коварныя, и Государству Нашему вредительныя многіе поступки, Всероссійскій Престолъ не наслѣдовали,

избрана на Престолъ Всероссійской Имперіи, мимо Насъ (какъ всему умному свѣту извѣстно есть, законной Отеческому Престолу Наслѣдницы,) блаженныя памяти Императрица АННА ІОАННОВНА. Когда же въ прошломъ 740 мъ году въ Октябрѣ мѣсяцѣ, Ея Величество уже къ смерти разболѣлася, тогда онъ же Графъ Остерманъ, сочінілъ опредѣленіе о наслѣдникѣ Ея Величества, (которое 6 числа того Октября напечатано и въ народъ публіковано,) что тѣмъ Ея Величество учиняетъ наслѣдникомъ по себѣ Принца Антона Ульриха Брауншвеигъ-Люнебургскаго отъ Свѣтлѣйшей Принцессы Мекленбургской Анны рожденнаго сына, (нікакой уже ко Всероссійскому Престолу прінадлежащей претензіи, ліпѣи и права не имѣющаго,) еще только двумѣсячнаго младенца суща Іоанна, котораго въ томъ же опредѣленіи и Великимъ Княземъ Всероссійскімъ проімяновалъ, и не удовольствуяся тѣмъ къ вящшему Намъ оскорбленію, и къ явному законнонаслѣднаго Нашего Престола Насъ лішенію, еще и того въ то же опредѣленіе внести не устыдился, чтобъ и по смерти ево Принца Іоанна наслѣдниками Всероссійской Імперіи быть брату ево, а по смерти паки таковому же ево брату, а въ случаѣ и того преставленія другимъ отъ помянутыхъ Принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго и Принцессы Мекленбургской (кои и сами нимало къ Россійскому Престолу права не имѣютъ) раждаемымъ Принцамъ, которое уже въ крайней Ея Величество слабости бывши, 5 числа того октября и подпісать изволила. И по тому чрезъ евожъ Остермана съ бывшімъ Фелдмаршаломъ Графомъ Минихомъ общему старанію, упомінаемой Принцъ Іоаннъ,

по кончінѣ Ея Величества, тогожъ октября 17, Всероссійскімъ Императоромъ утвержденъ. И понеже тогда какъ гвардія Наша, такъ и полевые полки, были у упомінаемаго Графа Миниха, и отца его (Принца Іоанна) Принцажъ Ульриха Брауншвенгъ-Люнебургскаго въ командѣ, и тако какъ уже здраво всякому разсудіть можно, тогда и вся сила состояла въ ихъ рукахъ, и слѣдовательно и всѣ доброжелательныя Намъ Наши вѣрноподданные, будучи въ крайней отъ того опасности и утѣсненіи, по тому опредѣленію ему Принцу Іоанну, яко учіненному тѣмъ опредѣленіемъ Императору, и при томъ же по кончінѣ Ея Величества объявленному и о правітельствѣ въ малолѣтствѣ ево особому опредѣленію, (которое онъ же Графъ Остерманъ одінъ къ Ея Величеству для подпісанія неоднократно нося, склонілъ 6 чісла тогожъ мѣсяца подпісать,) прісягать прінуждены сталіся. Да и они сами, яко то часто упомінаемой Принцъ Антонъ-Ульрихъ съ супругою ево Принцессою Анною, льстясь Всероссійской Престолъ удержать, сыну своему по тѣмъ обѣимъ опредѣленіямъ съ подпіскою ихъ руки прісягали же, но потомъ, какъ то уже всему свѣту извѣстно есть, помощію часто упомінаемыхъ же Графовъ Остермана и Миниха, и Графа Михаила Головкіна, презря упомінаемую учіненную свою прісягу, то о правітельствѣ опредѣленіе нарушіли, и правітельство Нашей Имперіи въ свои руки подъ именемъ той Мекленбургской Принцессы супруги Принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго Анны насільствомъ взяли, и чрезъ то сама себѣ означенная Принцесса титулъ (ни мало ей подлежащей) Великой Княгини Всероссійской прідать

не устыдiлася, отъ чего, какъ то всѣмъ же довольно извѣстно есть, не токмо немалыя въ Нашей Имперiи непорядки, и вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ крайнiя утѣсненiи и обиды уже явно послѣдовать началiся, но еще и къ вящшему Нашей собственной Персонѣ утѣсненiю и опасности, часто упомiнаемыми Остерманомъ и Головкiнымъ, съ ихъ Принца Антона Ульриха и супруги его Принцессы Анны согласiя, сочiнено нѣкоторое къ конечному Насъ отъ Нашего законнаго, и по правамъ всего свѣта, къ тому же и по крови подлежащаго наслѣдiя Всероссiйскаго Престола отрѣшенiю, отмѣнное о наслѣдствiи Нашей Имперiи опредѣленiе, которымъ и самое ее Принцессу Анну въ Императрицы Всероссiйскiя еще и при жизни сына ея Принца Iоанна утверждать отважiвалiся. И тако видя такiя во время того младенца (ибо ему отъ рожденiя и нынѣ токмо четырнатцать мѣсяцовъ есть) проiсходящiе къ крайнему Нашего Государства раззоренiю, и крайнiя же разными образы подданнымъ Нашимъ утѣсненiи, и чаемыя какъ внутреннiя Имперiи Нашей, такъ и внѣшнiя непорядки и безпокойства, и впредь худыя слѣдствiи и будучи уже и сами Мы Нашею Императорскою Персоною въ крайнемъ опасенiи, для пресѣченiя всего того, помощiю всѣхъ благъ подателя Намъ Творца Бога, и по всеподданнѣйшему къ Намъ всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ, а наипаче и особлiво лейбгвардiи Нашей полковъ прошенiю, Родительскiй Нашъ Престолъ, истекающаго сего мѣсяца 25 чiсла, (какъ того чiсла изданнымъ въ народъ Манифестомъ объявлено,) Всемилостйвѣише воспрiяти соизволили. И

хотя она Принцесса Анна и сынъ ее Принцъ Іоаннъ, и ихъ дочь Принцесса Екатерина, (какъ то уже довольно выше изъяснено,) ни малѣйшей претензіи и права къ наслѣдію Всероссійскаго Престола ни по чему не имѣютъ, но однако въ разсужденіи ихъ Принцессы и ево Принца Ульриха Брауншвейгскаго, къ Императору ПЕТРУ Второму по матерямъ свойства, и изъ особлівой Нашей природной въ нимъ Императорской Милости, не хотя никакихъ имъ причинить огорченіи, съ подлежащею имъ честію и съ достойнымъ удовольствіемъ, предавъ всѣ ихъ вышеизъясненные къ Намъ разные предосудітельные поступки крайнему забвенію, всѣхъ ихъ въ ихъ отечество Всемилостѝвѣише отправить повелѣли.

II.

МАНИФЕСТЪ.

28 Января 1742 года.

Объявляемъ во всенародное извѣстіе:

Какъ то всѣмъ уже чрезъ публикованной Нашъ ноября отъ 28 дня прошлаго 1741 году манифестъ довольно извѣстно есть, какими недоброжелательными къ Намъ и коварными происки бывшаго Генерала-Адмирала и Кабинетъ-Министра Графа Андрея Остермана, Мы, по кончинѣ блаженныя памяти Государя Императора

Петра Втораго отеческаго Нашего Всероссійскаго престола, (котораго Мы тогда уже по точному содержанію учиненной блаженныяжъ и вѣчнодостойныя памяти Матери Нашей Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны духовной законною безъ всякаго изъятія наслѣдницею были) безсовѣстно лишены, также и чрезъ какіе Богу противныя и Государству Нашему вредительныя интриги общимъ евожъ Остермана, съ бывшимъ Фелдмаршаломъ Графомъ Минихомъ, и съ прочими стараніемъ, равнымъ образомъ и при кончинѣ блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, когда Ея Величество уже къ смерти разболѣлася, и въ крайней слабости находилась, учиненнымъ имъ Остерманомъ о наслѣдствѣ опредѣленіемъ Мы паки отъ наслѣднаго онаго отеческаго Нашего престола отлучены; и рожденной отъ Свѣтлѣйшей Принцессы Мекленбургской Анны, и отъ Принца Антона-Ульриха Брауншвейгъ-Люнебургскаго сынъ Принцъ Іоаннъ яко къ Всероссійскому престолу нималѣйшей претензіи, линѣи и права не имѣющей еще только двумѣсячной младенецъ, по немъ же и братья его раждаемые отъ оной же Принцессы Анны Принца сукцессорами назначены и утверждены: да и правительство Имперіи, притомъ къ вящшимъ въ Имперіи Нашей непорядкамъ и къ крайнему вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ утѣсненію въ чужія руки отдано. А потомъ еще къ несносному Нашей собственной персонѣ утѣсненію и опасности, онъ же Остерманъ и съ нимъ бывшей Вице-Канцлеръ Графъ Головкинъ съ прочими къ конечному Насъ отъ Нашего законнаго и по правамъ всего свѣта, къ томужъ и по

крови подлежащаго наслѣдія Всероссійскаго престола вовсе отрѣшенію отмѣнное о наслѣдствіи Нашей имперіи опредѣленіе учинить намѣрялись, которымъ не токмо раждаемыхъ отъ Принцессы Анны дочерей, но и самоё ея Принцессу въ Императрицы Всероссійскія утверждать отважились, о которыхъ ихъ Остермана, Миниха и Головкина безбожныхъ поступкахъ и злыхъ намѣреніяхъ въ вышеписанномъ Нашемъ манифестѣ ноября отъ 28 дня прошлаго 741 году имянно значитъ. И по такимъ жалостнымъ и весьма опаснымъ обстоятельствамъ были Мы ужё необходимо принуждены по воспріятіикъ Нами помощію всемогущаго Бога и по всеподданнѣйшему Нашихъ всѣхъ вѣрноподданныхъ, а особливо лейбгвардіи Нашей полковъ прошенію Родительскаго Нашего Всероссійскаго престола реченныхъ Остермана, Головкина и Миниха какъ государственныхъ и общаго покоя ненавидящихъ злодѣевъ купно съ ихъ сообщниками: бывшими Оберъ-Гофъ-Маршаломъ Левенволдомъ, Комерцъ-коллегіи Президентомъ Менгденомъ, также Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Темирязевымъ и прочими приличившимися арестовать, и дабы о всѣхъ ихъ богомерзскихъ злодѣйскихъ поступкахъ и вредительныхъ Нашему государству намѣреніяхъ и въ томъ сообщникахъ къ возвращенію и возстановленію общаго внутренняго покоя и благополучія, и Богу пріятнаго между народомъ согласія и любви обстоятельно извѣстно учиниться могло, особливую слѣдственную комисію учредить, предъ которою оные Остерманъ, Минихъ, Головкинъ и прочіе, въ важнѣйшихъ ихъ государственныхъ и въ прочихъ по ихъ долж-

ностямъ немалыхъ же до явнаго государственнаго раззоренія и общаго покоя, также и до невозвратнаго ущербу касающихся преступленіяхъ роспрашиваны, по которымъ ихъ роспросамъ явилось, а имянно:

Бывшій Генералъ-Адмиралъ Андрей Остерманъ, вѣдая Ея Императорскаго Величества блаженныя памяти Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны любезнѣйшей Нашей Матери учиненную и отъ него самого съ прочими подписанную и торжественною присягою подтвержденную духовную, по которой Мы къ сукцессіи Всероссійскаго престола въ свое время имянно опредѣлены были, оной духовной не токмо по присяжной своей должности, и по крайней возможности не охранялъ, но какъ по кончинѣ Государя Императора Петра Втораго, при избраніи на престолъ Ея Величества блаженныяжъ памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, такъ и по случившимся послѣ того разнымъ перемѣнамъ, особливожъ при сочиненіи Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Анны Іоанновны о наслѣдствіи отъ 5 Октября 1740 году публикованнаго тестамента (которой онъ же въ своемъ домѣ и сочинилъ одинъ) о той духовной не токмо ни чемъ не представлялъ; но умышленно оную утая разными вымыслы въ недѣйство приводить и весьма уничтожить старался, вымышляя въ такомъ зломъ намѣреніи объ отлученіи Насъ и Племянника Нашего Его Королевскаго Высочества Герцога Голстинскаго, яко вселюбезнѣйшаго Нашего родителя Его Императорскаго Величества Петра Великаго Внука, отъ Россійскаго престола разные проэкты, которые по арестованіи его

въ своемъ домѣ между прочихъ писемъ найдены, и во оныхъ забывъ Бога и присяжную свою должность собственною своею рукою написалъ, якобы Мы также и Племянникъ Нашъ Его Королевское Высочество Герцогъ Голстинскій къ Россійскому престолу права никакова не имѣемъ, и представляя, дабы для пресѣченія всѣхъ съ Нашей стороны въ томъ опасностей Насъ за отдаленнаго чужестраннаго убогаго Принца за мужъ выдать, отъ котораго де-никогда никакого опасенія быть не можетъ, о которыхъ безбожно имъ сочиненныхъ и своеручно написанныхъ проэктахъ по распросамъ винился, что онъ все то написалъ противо совѣсти своей, (въ которой совершенно изобличенъ былъ, что Мы по вышепомянутой вселюбезнѣйшей Нашей Матери Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны духовной безспорное къ наслѣдству право имѣемъ) затѣвая ложно, что будтобъ то чинилъ только для одного угожденія блаженныя памяти Государынѣ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ желая себя вывесть изъ того подозрѣнія, въ которомъ яко бы онъ у Ея Императорскаго Величества для сочиненія вышеписанной духовной находился, а паче всего дерзнулъ онъ Остерманъ къ вящшему умышленному нарушенію общихъ государственныхъ правъ и внутренняго покоя о присообщеніи Россійскаго престола въ наслѣдство раждаемымъ отъ Свѣтлѣйшей Мекленбургской Принцессы Анны Принцессамъ проэкты и мнѣнія учинить и во ономъ проэктѣ собственноюжъ своею рукою написать якобы въ учиненномъ Государыни Императрицы Анны Іоанновны о наслѣдствіи узаконеніи раждаемыя отъ Прин-

цессы Анны Принцессы, безбожнымъ образомъ изъ онаго хотя не выключены, однакожъ оныхъ не упомянуто, да яко бы оное дѣло и само по себѣ ничего чрезвычайнаго не содержитъ, но только-де о томъ разсуждать надлежитъ, какимъ-бы образомъ въ томъ поступать надобно, и дабы для отвращенія всѣхъ замѣшательствъ при будущихъ случаяхъ наслѣдство имянно утвердить и на Принцессъ сестръ Принца Іоанна. И когда на то прочіе Министры сказали, что о томъ весьма надобно напередъ самимъ разсуждать, а особливо, что въ духовной бывшему Регенту обще съ Кабинетомъ, съ Синодомъ, Сенатомъ и Генералитетомъ наслѣдника избрать положено, почему-де разсуждать должно какіябъ къ тому причины показать можно было, и требовали на то время яко о важномъ дѣлѣ подумать; тогда онъ Остерманъ имъ отвѣтствовалъ, толкуя безсовѣстно, что узаконеніе о наслѣдствѣ до духовной не надлежитъ, и объявляя притомъ, что лишбы они прочіе Министры въ то вступить хотѣли, то бы такія причины ужè нашлись, которыя-де предъ свѣтомъ показать можно, и надобно-де только приняться за самое дѣло, да въ поданномъ Принцессѣ Аннѣ мнѣніи своеюжъ рукою онъ Остерманъ написалъ, что-де узаконеніе о наслѣдствѣ зависитъ всегда отъ воли Самодержавнаго, а оная-де Принцесса Анна Императорскимъ имянемъ (безбожно толкуя) яко бы съ такоюжъ Самодержавною властію и силою государство правитъ, какая приличествуетъ владѣющему Императору, и для того-де какъ наслѣдство Принцу Іоанну и братьямъ ево утверждено, такъ бы имянемъ ево и сестрамъ ево раждае-

мымъ отъ Принцессы Анны дочерямъ по здѣшнему обыкновенію какъ отъ Духовныхъ такъ и отъ Свѣтскихъ чиновъ, подписанными присягами утвердить, и такимъ образомъ вдругъ безъ продолженія времяни къ совершенству привесть, прибавляя къ тому, что ежели сіе дѣло единогласно и безъ всякихъ особливыхъ намѣреній предпріято не будетъ, и захощетъ всякъ дѣлать по своему, то-де можно лехко разсудить, что отъ онаго больше продолженія нежели скораго исполненія ожидать можно. Въ разговорахъ онъже Остерманъ сверьхъ того Левенволду и Менгдену говорилъ, а имянно: Менгдену, что ежели-де сіе дѣло начнутъ добрымъ порядкомъ, то можетъ быть и сама Принцесса Анна Императрицею, употребя притомъ и такіе безсовѣстные слова, что будто бы и она Принцесса Анна такъ какъ ея дѣти, (которые какъ всему свѣту извѣстно, и сами никакого слѣдства къ претензіи престола Россійскаго никогда не имѣли, и имѣть не могутъ,) къ тому право имѣетъ; а Левенволду: что не извѣстно де-куда то дѣло клопитца, и можетъ-де быть, не хощетъ ли сама Принцесса сукцессію имѣть прежде дочерей, разсуждая притомъ съ нимъ Левенволдомъ, чтобъ то дѣлать либо властію, то есть указомъ, или прошеніемъ отъ народа; о которыхъ вышепоказанныхъ проэктахъ, мнѣній и разсужденіяхъ расоросомъ признался, что то все имъ писано и разсуждаемо было, усердствуя Принцессѣ Аннѣ; и дабы ежелибъ впредь Принцовъ отъ ней не было, не произошлобъ съ стороны Нашей какъ совершенно законной наслѣдницы помѣшательство, и что онъ противно духовной, по кото-

рой, какъ выше изображено, и присягою обязался любезнѣйшей Нашей Матери Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, по которому наслѣдство Россiйской Имперiи, какъ вышежъ объявлено, Намъ еще по кончинѣ Его Императорскаго Величества Петра Втораго законно надлежало, не токмо защищать старался, но противъ своей присяги Насъ и по кончинѣ Государыни Императрицы Анны Іоанновны, и по отрѣшенiи Регента токмо для полученiя себѣ отъ Принцессы Анны милости, и предпочитая больше собственное свое благополучiе, нежели общее и непостыдную совѣсть и страшный судъ Божiй безсовѣстно злодѣйски разными вымыслы Насъ отъ природнаго и по правамъ всего свѣта законно подлежащаго Намъ отеческаго наслѣдства отлучить тщился. Да онъ же Остерманъ учинилъ Намъ еще разныя озлобленiи, о которыхъ значитъ по дѣлу, и приличился. Ктомужъ кромѣ вышеписанныхъ еще во многихъ другихъ важныхъ, также и по повѣреннымъ ему должностямъ къ государственному раззоренiю, и ущербу преступленiяхъ; а имянно: по должности своей о лучшей предосторожности къ защищенiю государства, гдѣ надлежало, не представлялъ. Въ важныхъ дѣлахъ съ прочими повѣренными персонами откровенныхъ совѣтовъ не держалъ, но по большой части поступалъ по своей собственной волѣ. О нѣкоторыхъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ генеральныхъ совѣтовъ собирать не старался, и не хотѣлъ, и о томъ не представлялъ. Такiя персоны, которымъ для нѣкоторыхъ расходовъ немалыя денежныя суммы изъ казны выданы, чтобъ надлежаще сочтены были, о томъ старанiя не

прилагалъ. Къ нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, которые до цѣлости всего государства касались, въ предосужденіе всего Россійскаго народа употреблялъ чужихъ націй (и недовольно извѣстныхъ о ихъ состояніи) людей, а не Россійскихъ природныхъ, и тѣхъ вопервыхъ награждать старался, чрезъ что Россійскимъ интересамъ воспослѣдовалъ вредъ. Своихъ адгерентовъ (или согласниковъ) не токмо къ награжденію рекомендовалъ, но ихъ такъ защищалъ, что ежели оные что нибудь въ общее государства пользѣ упустили, и въ томъ, гдѣ надлежало, не представлялъ: ихъ же самихъ и ихъ дѣла такъ защищать старался; что хотябъ оныя не такъ полезны государству были, за равномѣрно съ полезными рекомендовалъ. Немалыя суммы казенныхъ денегъ и другихъ вещей безъ совѣта прочихъ Кабинетъ-Министровъ въ расходъ выдавать, а онымъ уже по выдачѣ того для подписанія токмо о томъ резолюціи сообщать приказывалъ. Мнѣніи свои въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ такъ перемѣнялъ, какъ оныя въ угодность другимъ быть могли, а не такъ какъ присяжная должность и государственная польза требовала. Излишнимъ сборомъ рекрутъ и лошадей государству немалое отягченіе и раззореніе причинилъ. Изъ адмиралтейскихъ командъ о всемъ состояніи рапорты приказывалъ къ себѣ присылать, а не въ Адмиралтейскую Коллегію, также и тѣхъ прежде къ нему присылаемыхъ репортовъ въ Коллегію не сообщалъ. Потомужъ и о томъ что бывшей Фельдмаршалъ Минихъ исходатайствовалъ себѣ указъ, дабы бытности его при Ладожскомъ каналѣ не щитать, онъ Остерманъ яко о учинен-

номъ въ противность общихъ правъ требованіи представленія никакого не учинилъ. Свойственникамъ своимъ не по ихъ достоинству въ произвожденіи помогалъ. И будучи въ своемъ министерствѣ, имѣя все государственное правленіе въ своихъ рукахъ, многія славныя и древнія Россійскія фамиліи опровергать, и искоренять, у высочайшихъ монарховъ во озлобленіе приводить, и отъ двора многихъ отлучать, и жестокія и неслыханныя мученіи и экзекуціи какъ надъ знатными такъ и надъ незнатными, не щадя и духовныхъ персонъ въ дѣйство производить, и между Россійскими подданными несогласіи всѣвать, ктомужъ еще и многія блаженныя памяти отъ Нашего вселюбезнѣйшаго родителя Государя Императора Петра Великаго въ общую пользу учиненныя опредѣленіи, яко то особливо о Прокурорахъ, уничтожить, и славнаго онаго Монарха дѣла тѣмъ явно порочить старался, не упоминая о прочихъ такихъ же преступленіяхъ и интересу упущеніяхъ, о которыхъ подробно и обстоятельно въ дѣлѣ изъяснено.

Бывшій Фельдмаршалъ Минихъ частоупоминаемой же учиненной отъ вселюбезнѣйшей Нашей Матери, Ея Величества блаженныя памяти Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны духовной, по которой и онъ Минихъ подписавшись же съ прочими присягалъ, при случившихся послѣднихъ разныхъ перемѣнахъ не защищалъ; но по кончинѣ блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны о врученіи правительства Россійской имперіи въ чужестранныя руки стараніе и наиглавнѣйшую винность въ томъ имѣетъ; что бывшей Герцогъ Курляндской Биронъ въ Регенство

вступилъ: ибо онъ Минихъ первѣйшей ему о томъ говаривалъ, и непрестанно просилъ и возбуждалъ, а потомъ когда уже оной Регентъ хотя противу Государственной пользы, и одними его Миниха интригами въ правительство вступилъ, то для партикулярныхъ своихъ видовъ его опять самъ собою извергнулъ. И когда ко арестованію того Регента шелъ; тогда вѣдая стоящихъ въ то время на караулѣ лейбгвардіи Нашей солдатъ, къ Намъ горячесть и особливую склонность ихъ обманствомъ ко исполненію своего намѣренія тѣмъ больше ободрилъ, что представлялъ затѣйно; яко бы отъ Регента Намъ и Племяннику Нашему есть утѣсненіе, по чему де его Регента надобно взять, и кого-де они хотятъ Государемъ, тотъ и быть можетъ, хотя Принцъ Іоаннъ, или Его Королевское Высочество Герцогъ Голстинской, по какимъ поступкамъ хотя онъ Минихъ самъ въ совѣсти своей и изобличенъ былъ, что Мы и Племянникъ нашъ Его Королевское Высочестко Герцогъ Голстинскій; къ наслѣдствію Россійскаго престола безспорное право имѣемъ, однакожъ какъ тогда, имѣя всю силу въ своихъ рукахъ, Насъ притомъ защищать, такъ и послѣ происходящихъ въ перемѣнѣ наслѣдства безбожнымъ и беззаконнымъ къ нарушенію общаго покоя касающимся намѣреніямъ, о которыхъ онъ отъ Барона Менгдена и отъ сына своего бывшаго Оберъ гофъ-Мейстера Миниха обстоятельно слышалъ; и которыя самъ за неполезныя и за непристойныя признавалъ, ничѣмъ по должности вѣрнаго раба и подданнаго по присягѣ своей препятствовать не старался, и сверхъ того еще Намъ разныя чинилъ озлобленіи. И

нетокмо къ тайнымъ о Высочайшей Нашей персонѣ провѣдованіямъ, яко и чину и достоинству ево весьма непристойному дѣлу самъ употреблялся, но еще и особливаго урядника подъ претекстомъ, буттобъ для смотрѣнія Нашего дома опредѣлилъ, которому и нанимая извощиковъ вездѣ за Нами ѣздить, и обо всемъ себѣ репортовать приказывалъ. Онъ же Миннхъ будучи при арміи явился во многихъ до немалаго раззоренія Нашего государства касающихся непорядкахъ и преступленіяхъ; о сбереженіи людей не имѣлъ никакова попеченія, во многихъ важныхъ военныхъ предпріятіяхъ въ противность военному уставу и артикуламъ; токмо для собственной своей славы поступалъ, не призывая генералитета въ совѣтъ по своей одной воли, отъ чего во время войны при нѣкоторыхъ случаяхъ людемъ не безъ напраснаго урону было. Да въ тужъ свою при арміи бытность, не токмо съ меншими Россійскими Офицерами, и многажды и безъ суда не по достоинству Офицерскому въ штрафахъ поступалъ, но и на Штабъ-Офицеровъ салдатской штрафъ налагалъ; и въ первомъ Перекопскомъ походѣ нѣкоторыхъ изъ старыхъ шляхетскихъ фамилей Россійскихъ Полковниковъ ругаясь подъ ружье ставилъ, и такъ ихъ предъ всею арміею водилъ, изъ нихъ же нѣкоторыхъ и скованныхъ держалъ. Свойственниковъ же своихъ и адгерентовъ или согласниковъ не по ихъ достоинству производилъ, и самому себѣ къ растощенію Государственной казны великія суммы денегъ въ разные въ правленіе Принцессы Анны будучи первымъ Министромъ времена, да къ томужъ и чрезвычайную пенсію своими происками исходатайствовалъ, о кото-

рыхъ сво и прочихъ великихъ непорядкахъ, въ которыхъ онъ по изобличенію и самъ признался, въ слѣдственномъ дѣлѣ подробно показано.

Бывшей Вице-Канцлеръ Михайла Головкинъ по вышеписанному въ перемѣнѣ сукцессіи дѣлу былъ первымъ зачинщикомъ; ибо еще въ то время, когда Принцесса Анна въ правительство вступила, и какъ онъ по выздоровленіи отъ своей тогдашней болѣзни пріѣхалъ къ ней тѣмъ поздравить, тогда ей при томъ представилъ, что-де сожалѣтельно есть, что въ нѣкоторыхъ при томъ учрежденіи наслѣдства пунктахъ недовольно изъяснено, а особливо что-де о Принцессахъ не упомянуто, и отъ того онаго Головкина представленія, предъ недавнымъ временемъ приказала Принцесса Анна ему по тому дѣлу съ Андреемъ Остерманомъ имѣть сношеніе, почему написалъ проэктъ, чтобъ представить въ Кабинетъ къ разсужденію, о бытіи рождаемыхъ отъ Принцессы Анны Принцессамъ наслѣдницами Россійскаго престола, да притомъ же внесъ и другое свое мнѣніе, которое въ такой же силѣ написано было, какъ и проэктъ, и тѣ проэктъ и мнѣніе послалъ къ Принцессѣ Аннѣ, а въ проэктѣ между прочимъ показано было, чтобъ въ такомъ случаѣ, какъ Регенту избраніе на Россійскій престолъ сукцессора предписано, собраніе учинить неприлично, но быть бы Принцессѣ Аннѣ самой Императрицею, чѣмъ-де всѣ сумнительства, которые впредь произойти могутъ, (разсуждая то съ стороны Нашего Императорскаго Величества) пресѣкутся. И то-де писалъ онъ Головкинъ въ такомъ мнѣніи, что ежелибъ Принцъ Іоаннъ скончался, а другова Принца не было,

*

тобъ вмѣсто того, чтобъ во ожиданіи другаго Принца неизвѣстному правительство имѣть, разсуждалъ приличнѣе быть ей самой Императрицею, въ чемъ, что онъ Принцессу Анну такимъ образомъ Императрицею причелъ, и Насъ отъ наслѣдства безбожно и противъ всего свѣта законовъ отлучить намѣренъ былъ, оной Головкинъ призналъ себя виннымъ. Онъ же будучи у Принцессы Анны въ наиближайшей конфиденціи, и видя въ выдачѣ казенныхъ денегъ немалыя суммы Ей Принцессѣ, о томъ никогда не представлялъ, и тѣмъ по присяжной своей должности такому напрасному казнѣ расточенію не предупредилъ.

Бывшей Оберъ-Гофъ-Маршалъ Левенволдъ вѣдаякъ о духовной Матери Нашей Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, по которой Мы сукцессіею Всероссійскаго престола въ свое время опредѣлены и утверждены были, а при кончинѣ блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны въ защищеніе не представлялъ; и будучи во всѣхъ какъ при опредѣленіи Регента, также и при намѣреной вновь о дочеряхъ Принцессы Анны въ сукцессіи перемѣнѣ и о возведеніи самое Принцессу Анну на престолъ Императрицею, какъ то обстоятельно уже выше многократно о томъ предписано, происходившихъ предпріятіяхъ съ Принцессою Анною, а особливо съ Андреемъ Остерманомъ въ ближайшихъ совѣтахъ, не токмо чтобъ такимъ общему покою вредительнымъ намѣреніямъ по присяжной своей должности препятствовать, но еще оному Остерману во всемъ потакалъ, и злые ево предпріятіи апробовалъ, и съ нимъ Остер-

маномъ въ разсужденіе вступалъ. Ктомужъ изъ соляныхъ подъ своимъ вѣдѣніемъ состоящихъ денегъ великія суммы и пенсіонъ ко истощенію казны себѣ и другимъ исходатайствовалъ, также и по проискамъ своимъ домогся, чтобъ о соляной суммѣ никому не адресоваться, и счетовъ въ Ревизіонъ-Коллегію и въ прочія подлежащія по указамъ мѣста не подавать.

Бывшей Коммерцъ-Коллегіи Президентъ Менгденъ имѣлъ по кончинѣ блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны о томъ, чтобъ бывшему Герцогу Курляндскому въ Россіи Регентомъ быть, крайнее стараніе, внушая другимъ, что ежели Биронъ Регентомъ не будетъ, то-де они иноземцы всѣ пропадутъ; а ему-де Бирону самому объ себѣ просить нельзя, и для того-де не можноли о томъ, какъ стороною Ея Императорское Величество блаженныя памяти просить, по чему согласясь съ бывшимъ Фелдмаршаломъ Минихомъ, именемъ всего государства и челобитную составили. И онъ же Менгденъ между тѣмъ отъ бывшей Герцогини Курляндской къ Принцессѣ Аннѣ ходилъ, чтобъ ея на то привесть, дабы она допустила тому Герцогу Регентомъ быть. Онъ же Менгденъ вѣдая отъ всѣхъ о намѣренной въ сукцессіи перемѣнѣ происходящихъ предпріятіяхъ, съ другими, а особливо съ Остерманомъ о томъ вступалъ въ разсужденіи. А впрочемъ и по Коммерцъ-Коллегіи дѣламъ къ общему государственному ущербу явился еще въ слѣдующихъ преступленіяхъ, а именно: по его представленію отпущено заморе, какъ изъ Санктпетербурга, такъ изъ города Архангельска и изъ завоеванныхъ провинцей великое

число хлѣба; отъ чего хлѣбъ нынѣ вдвое покупается, и обывателямъ не малыя раззоренія; да и въ покупкѣ провіанта государству великой казенной ущербъ приключился, особливоже въ Лифляндіи крестьянство, которыя льстясь дорогимъ цѣнамъ, весь хлѣбъ безъ остатку продали, такую нужду претерпѣваютъ, что отъ большей части изъ Нашихъ магазиновъ оныхъ нынѣ довольствовать принуждено стало, которое объ отпускѣ хлѣба представленіе учинено имъ Менгденомъ мимо Коллегіи самимъ собою съ вѣдома и согласія бывшаго Фелдмаршала Миниха и Андрея Остермана, о чемъ и Головкинъ тожъ объявилъ. Да въ томъ же хлѣбномъ торгу онъ Менгденъ въ противность учиненному о невступленіи ни въ какіе торги самимъ будущимъ у дѣлъ указу, самъ съ купцомъ Бардевикомъ, давъ ему на то пятнадцать тысячь рублевъ, вступилъ. А сверхъ того по вступленіи своемъ въ президентство въ Коммерцъ-Коллегію, и при осмотрѣ фабрикъ и мануфактуръ, бралъ немалыя съ разныхъ людей взятки, и старался въ противность Его Императорскаго Величества вседражайшаго Нашего Родителя блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго указу сочиненной и ужѐ конфирмованной о векселяхъ уставъ для своего токмо собственнаго соизволенія перемѣнить.

Статской Дѣйствительной Совѣтникъ Иванъ Темирязевъ, по собственному своему произволенію (токмо изыскивая себѣ благополучія) къ нарушенію общаго государству покоя, ко отлученію насъ отъ Всероссійскаго престола, толковалъ о сукцессіи Россійской Имперіи и

о бытіи раждаемымъ отъ Принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской дочерямъ наслѣдницами, и внушалъ о томъ оной Принцессѣ. Да кождажъ ему отъ оной Принцессы приказано о томъ здѣлать манифестъ, то онъ Темирязевъ пріѣхавъ объявилъ о томъ, яко бы указомъ отъ оной Принцессы, Иностранной коллегіи Секретарю Андреяну Познякову, которой по тому ево Темирязева объявленію въ сочиненіе о томъ манифестовъ вступилъ, и два манифеста, изъ которыхъ одинъ о бытіи наслѣдницами во время пресѣченія раждаемыхъ отъ Принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской мужеска полу дѣтей Ея, дочерямъ, а другой о бытіи Ей Принцессѣ Аннѣ самой Императрицею, на весьма худомъ и противномъ основаніи, съ ево Темирязева словъ сочинилъ.

И по такимъ ихъ: Остермана, Миниха, Головкина и прочихъ, важнѣйшимъ преступленіямъ, для сысканія по нѣкоторымъ пунктамъ истины надлежало было ими разыскивать; но онаго розыску имяннымъ Нашимъ Указомъ, токмо изъ единаго высочайшаго Нашего Матерняго милосердія Мы чинить не повелѣли, а указали Нашему Сенату, собравъ весь военной и статской генералитетъ, и ихъ по имѣющимся въ дѣлѣ вышепоказаннымъ обстоятельствамъ и собственнымъ ихъ признаніямъ по Нашимъ государственнымъ правамъ и указамъ судить. По которому генеральному суду и по заключенной во ономъ сентенціи положено ихъ всѣхъ казнить смертію, а имянно: Остермана колесовать, Миниха четвертовать, а Головкину, Левенволду, Менгдену и Темирязеву отсѣчь головы, а движимые и недвижимые ихъ имѣнія взять на Насъ. И хотя всѣ они за вышепоказан-

ныя ихъ наиважнѣйшія, богомерскіе и зловымышленные государственныя и прочія по ихъ должностямъ немалыя до явнаго государственнаго разоренія и общаго покоя касающіяся преступленіи и вины по всѣмъ государственнымъ правамъ и указамъ такой приговоренной смертной казни и подлежатъ; однакожъ Мы по природному Нашему Матернему милосердію и по дарованному Намъ отъ Бога Великодушію, всемилостивѣйше указали ихъ отъ той приговоренной смертной казни освободя сослать въ заточеніе, а имянно: Андрея Остермана въ Березовъ, Миниха въ Пелымъ, Головкина въ Германгъ, Менгдена въ Колымской острогъ, Левенволда къ Соликамской, Темирязева въ ссылку въ Сибирь, въ которыя мѣста, какъ ево Остермана, такъ и прочихъ женъ, ежели похотятъ, отпустить же съ мужьями; а всѣ ихъ собственныя движимыя и недвижимыя имѣнія взять на Насъ. И чтобъ всѣ вѣрныя Наши подданныя смотря на то признавали, что Богъ клятвопреступникамъ не терпитъ, и что мудрымъ ево промысломъ скрытые въ сердцахъ ихъ умышленія къ времянному и вѣчному ихъ осужденію всегда откровенны бываютъ, и дабы опасаясь того отъ всякихъ такихъ Богу противныхъ поступокъ конечно остерегались, и во всемъ бы такъ поступали, какъ то вѣрнымъ подданнымъ и прямымъ сыновьямъ отечества по присяжной ихъ должности принадлежитъ; за что отъ Бога во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ благословенны, также и Нашею Императорскою милостію всегда награждены будутъ, для того сей манифестъ Всемилостивѣйше указали Мы напечатавъ во всей Нашей Имперіи отъ Нашего Сената публиковать.

